

Александр Тестов
Татьяна Смирнова

В ШКУРЕ ЗВЕРЯ

Йонард

Александр Тестов

В шкуре зверя

«Автор»

2010

Тестов А.

В шкуре зверя / А. Тестов — «Автор», 2010 — (Йонард)

Германец Йонард - бывший легионер бывшей империи - сопровождает караваны на просторах Востока и мечтает вернуться на родину. Хотя он и не уверен, что его там ждут. Жизнь преподносила ему массу сюрпризов и приключений, но боги приготовили еще одно испытание - встречу с хозяином Черной башни!

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Тестов, Татьяна Смирнова

Йонард

Пролог

В 476 году н.э. пала Западная Римская империя. Командующий императорской армией германец Одоакр сверг с престола Ромула-Августа, а знаки императорской власти отослал в Константинополь. Бывшие легионеры некогда Великой Империи разбрелись по дорогам мира...

* * *

Холодный бездымный факел зеленоватым, мертвенным светом заливал подземелье. Он был воткнут в железную скобу у входа, и, стало быть, мог освещать только дверь да три грубо вытесанные ступени, ведущие вниз. Однако свет заливал все помещение: кое-как выровненный пол, стены, сужающиеся к выходу, низкий свод, старый, вытертый до дыр, сложенный вдвое ковер у стены, вбитые в стены железные кольца, цепи чуть не в руку толщиной...

Толстый железный обруч охватывал худую ногу пленника, одетого в жалкое подобие куртки и штанов. Худоба его была, вероятно, следствием заточения в темнице, но его сложение без слов говорило, что и в лучшие свои времена пленник не был большим румяным детиной – кровь со сливками. Должно, таким он и появился на свет: маленьким, хрупким, тонкокостным. Однако, кроме внешности, ничто не наводило на мысль о слабости, ничто не внушало желания пожалеть. Пленник сидел на своей убогой подстилке очень прямо, поджав ноги, как это принято на востоке. Его узкие темные глаза не мигая смотрели в одну точку, а лицо, при этом мертвом свете казавшееся серым, но, вообще-то, желтоватого оттенка, в своей неподвижности напоминало маску. Все мускулы пленника были расслаблены, казалось, тело его вот-вот утратит жесткость и растечется по полу водой, скинув ненавистные цепи. Но вот что-то неуловимо изменилось. Худая грудь слегка шевельнулась, и тотчас узкие плечи узника, шея, неподвижные руки, спина, поджатые ноги словно бы начали наливаться силой, на глазах обретая крепость железа и гибкость виноградной лозы. Несколько мгновений спустя на продавленном ковре сидело неведомое божество, налитое немислимой мощью... Но вновь шевельнулась драная хламида, и сила начала неудержимо вытекать из тела, оставляя лишь пустую оболочку. Вдох – выдох. Великое божество – беспомощный пленник. И только бесстрастная маска, которую боги дали ему вместо лица, ничуть не менялась. Нечеловеческое могущество – слабость младенца, вдох – выдох...

Внезапно узник странным слитным движением не то чтобы поднялся на ноги, а словно взмыл вверх, как неудержимая волна во время прилива. Голова чуть наклонилась вперед, длинные гибкие руки медленно поплыли вверх, точно выпуская невидимую птицу, голова поднялась за ними... Прикованная нога дрогнула, цепь зазвенела, но это не разрушило сосредоточенности пленника и гармонии его странного танца. Руки так же медленно и плавно поплыли вниз, будто некая таинственная сила внезапно наполнила их свинцовой тяжестью, будто узнику не терпелось уронить их, сбросить непосильную ношу, но он боролся с собой, боролся с собственной телесной слабостью, и хоть не побеждал, медленно уступая неведомой силе, но и не сдавался. Чуть согнув ноги в коленях, он медленно и осторожно опустил наземь незримую тяжесть.

Так начался его удивительный танец – танец человека, прикованного к стене. Тело его то воспаряло ввысь, то растекалось по земле, то наливалось тяжестью, то обретало легкость

пушинки в воздушном потоке, то гнулось, как тонкая бечева, то обретало твердость сухого древесного корня, то взрывалось неистовым каскадом движений, то замирало, словно прислушивалось к чему-то далекому. Или говорило с кем-то. Или просто дышало...

Странный факел горел ровно и даже не думал гаснуть. Узник привык к этому, как и ко многому другому. Впрочем, «привык» не то слово. «Привык» – значит, смирился, отказался от надежды, веры, борьбы. Человек, прикованный к стене, ни с чем не смирился и ни от чего не отказался. Он просто ждал. Ждал терпеливо, спокойно, не обнаруживая ни малейших признаков гнева или нетерпения, ждал малейшего шанса, чтобы, не медля ни секунды, ухватиться за него и действовать.

Он не был магом, вопреки убеждению многих, считавших его искусство даром светлых богов или порождением злобного Сетха, смотря с какой его гранью им пришлось столкнуться. Он не ведал будущего, ибо не был и прорицателем. Он просто ждал, как ждет до времени скрытый в ножнах клинок. Над его подземельем поднималась громада Черной башни. Когда пленник думал о ней, он мог ясно представить себе внутреннее расположение комнат, каждый переход, каждую лестницу от угрюмых подземелий до открытой всем ветрам площадки на самой вершине башни. Долгое время он был здесь гостем. До того как его радушный хозяин решил, что гость его слишком опасен.

Тело повторяло годами отточенные движения, а мысли пленника бродили далеко. В тех давних счастливых временах, когда они трое, он, его ученик Делви и мудрый старец из княжества Тай-Цзон, сломили силу мага-египтянина и вошли в Черную башню как победители. Чтобы сделать это, он, теперешний пленник, использовал своего ученика, который волей судьбы был в дальнем родстве с прежним хозяином башни. Память крови и глубокое внутреннее чутье Делви помогло миновать магические ловушки и одолеть чародея. Но ничто не дается даром. Справедливые боги за все начисляют свою плату, которую и взимают в должный срок с беспристрастием истинных владык. И настал день, когда Учитель Дзень-Сю собрал их в круглом зале, где пол был выложен мозаикой с изображением Сетха. Магическим, исполненным особой силы, как утверждал Делви. Но Учитель бестрепетно наступил ногами, обутыми в мягкие туфли, на оскаленную пасть Великого Змея. Сила Сетха была побеждена и укрощена. Совсем она, конечно, не пропала, но никто ее здесь больше не боялся. Они сели на пол: мудрый старик, а напротив него он и Делви. Выцветшие от времени глаза Дзень-Сю были печальны и строги.

– Никому не миновать жребия, определенного богами, – тихо начал он, – никому не миновать того, что предначертано. У нас есть лишь один выбор: встретить судьбу достойно или потерять лицо. Линии наших судеб пересеклись здесь, в Месте Силы. Мы сокрушили великое зло, но для этого нам пришлось свершить малое – столкнуть меж собой родичей. И за это каждому из нас придется заплатить свою цену.

– К чему ты говоришь это, Учитель? – спросил Делви, – зачем ты мучаешь нас?

– Не мучаю, а пытаюсь подготовить к встрече с неизбежным, – возразил Дзень-Сю, – немногие могут заглянуть ему в глаза и сохранить необходимую отрешенность. Но если ты, Делви, считаешь, что готов к испытанию, так вот тебе правда: этой ночью великий Будда послал мне сон. Он приоткрыл завесу будущего. Вскоре мы расстанемся. Каждому из нас предстоит своя дорога и своя битва и прежде, чем мы встретимся вновь, каждому придется сразиться со своим врагом в одиночку и победить. И цена победы будет высока.

– Что ты видел, Учитель? – спросил он, Дзигоро.

– Ты тоже готов к встрече с неизбежным? – старик неожиданно улыбнулся, – и тоже уверен, что устоишь? Хорошо. Слушайте. Тебе, Дзигоро, предстоит выковать меч, который возьмет жизнь твоего ученика и друга.

Дзигоро хорошо помнил, как ошеломило его невероятное пророчество. Он взглянул на бледного Делви и встретил такой же растерянный взгляд.

– Этого не может быть, Учитель. Ты, должно быть, ошибся, – возразил он. – Мои руки никогда не прикасались к оружию. Будда запрещает отнимать жизнь, и я всегда следовал его Учению. Я не стану ковать этот меч. Да я и ковать-то не умею.

– Разве может смертный противиться воле богов? – строго спросил Дзень-Сю. – Если ты действительно следуешь Учению, то ты не позволишь своему невежеству судить их мудрость. А твоя собственная мудрость будет заключаться в том, чтобы как можно лучше и точнее исполнить предначертанное.

– А в чем будет заключаться моя мудрость? – спросил Делви.

– Твоя мудрость должна будет помочь тебе без страха и злобы принять неизбежное, и в этом будет суть твоей битвы, – ответил Дзень-Сю. – А я поступлю мудро в том случае, если не стану мешать вам своими советами. Моя мудрость будет заключаться в безделье, – учитель улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. – Я отдал вам столько мудрости, сколько смог, а вы взяли столько, сколько сумели в себя вместить. Как вы ей распорядитесь – решайте сами, тут я вам не помощник. Мы встретимся снова, когда будет откован меч, падет великое государство и смертный поспорит с богами. И больше не спрашивайте меня ни о чем. Я открыл ровно столько, сколько позволил Будда.

В тот день Учитель действительно больше не сказал ничего. Но когда с первым попутным караваном Дзень-Сю отправился домой, в далекий Китай, то вместо слов прощания он тихо сказал Дзигоро:

– Будда поведал мне в том сне, что когда будет откован меч, оборвется еще одна жизнь.

Дзигоро не спросил ни о чем. Он понял, что хотел сказать его старый Учитель. Понял и принял.

А вот Делви не хватило мудрости. Страх скорой смерти оказался сильнее, и однажды, побуждаемый им, он услышал зов своей древней коварной крови. И откликнулся. Старые манускрипты с заклятиями Баала ожили вновь под умелыми руками Делви. Совсем нетрудно заставить врасплох того, кто верит тебе безоглядно. В этот раз орудием Темных сил послужил чай, заваренный Делви по древнему рецепту. Сделав всего лишь глоток, Дзигоро надолго лишился сил, а из гостя превратился в пленника. Убить его Делви все-таки не решился.

Прошло три года...

Тяжелая дверь скрипнула в давно несмазанных петлях. Человек замер. Обернулся к двери и неспешно «стек» на старый ковер, принимая прежнее положение. Поднял бесстрастное лицо.

По ступеням спускался плотный коренастый человек в богато расшитом халате и мягких туфлях с загнутыми носками. Он был мрачен. Полная физиономия выражала мировую скорбь, словно ему предстояло поменяться с узником местами на неопределенный срок. Это был его новый страж, Кошиф. Он остановился напротив и долго молчал, разглядывая мускулистое, лоснящееся от пота тело. На лицо человека он уже давно не смотрел – какая радость рассматривать рожу, словно высеченную из камня.

– Я смотрю, ты не сдаешься, – произнес он наконец, видимо, устав от молчания.

А вот узник от него, похоже, ничуть не устал, потому что не проронили слова, продолжая смотреть сквозь внушительную фигуру в халате. Кошиф с шумом выдохнул.

– Ты упрям, Дзигоро, это я уже понял. Но и я упрям. Если ты думаешь, что твое упорство – достойное восхищения, не спорю, но крайне глупое и неуместное – когда-нибудь надоест мне, и я разомкну эту цепь – то ты еще больший глупец, чем я думал. У меня достаточно терпения, чтобы переубедить сотню упрямцев. Тебя сегодня уже кормили?

Дзигоро по-прежнему молчал, но его тюремщик и не нуждался в ответе.

– Кормить тебя больше не будут. Если через два дня не поумнеешь, то перестанут и поить. Потом уберут свет...

Маленькие светлые глаза вцепились в неподвижное лицо пленника, надеясь отыскать признаки страха или неуверенности, но с таким же успехом они могли ощупывать серый камень за спиной Дзигоро.

– Тьфу! – сплюнул тюремщик. – Говорил хозяину – одна морока с тобой. Я ведь исполню то, что обещал, и все твои хваленные Силы тебе не помогут.

Узник по-прежнему молчал, но темные брови его шевельнулись в изумлении.

– Честное слово, ты мне нравишься. И я бы давно отпустил тебя, – со вздохом проговорил тюремщик, – но ведь хозяин, Танат его заberi, выпустит мне потроха и сварит похлебку для своих жутких тварей. Он дал мне три месяца сроку, чтобы сделать тебя покладистым, и, право, лучше бы тебе подчиниться. Поклянись ты ему, в чем он просит, чего тебе стоит? Подумаешь – пару раз языком повернуть. Небо от этого не обрушится. Большое дело – Будда запрещает ложь! Я слышал, твой бог добр. Он тебя простит. Мне не слишком-то хочется показывать тебе, на что я способен. Да, честно говоря, я и сам не горю желанием это узнать.

Тюремщик горестно вздохнул, глядя на Дзигоро со смесью искреннего и притворного сожаления. Но тот уже утратил интерес к болтовне стражника и взгляд его, миг назад живой и внимательный, обратился в себя. Дзигоро безмолвствовал.

– Ну, как знаешь, – обозлился тюремщик, – не хочешь по-плохому, как хочешь. Но имей в виду: по-хорошему будет еще хуже!

Он двинулся к выходу, шаркая по полу мягкими туфлями. Уже у самой двери, на ступенях, он обернулся и серьезно спросил:

– Твоя вера хоть стоит того, чтобы из-за нее умереть?

Дзигоро промолчал. Он снова дышал медленно и ритмично, готовясь продолжить прерванный танец.

Глава первая

Ребята из второй «когорты пятисотенников» одиннадцатого легиона были, в общем, не самыми бесшабашными воинами великого Рима. И хоть трибун Сервилий в глаза называл их не иначе как «свора безголовых ублюдков», «обезьян в сандалиях» и прочими, столь же ласковыми именами, за глаза, да за чашей сладкого греческого вина, да не за первой, а как бы не за пятой-шестой, когда у человека на язык вылезает именно то, что он думает, и речь еще вполне внятна, Сервилий своих парней хвалил и признавал, что любому из них без опаски доверит свою спину... да и вещи поценнее. А то, что они тогда учинили на великой Аппиевой дороге, и вовсе было по меркам войны шалостью вполне безобидной. Случись это где-нибудь на окраине Великой Империи, их выходка прошла бы незамеченной. Ну, разве что Сервилий, посмеиваясь, поведал бы о ней наместнику... а может и не поведал бы, потому что благополучно забыл.

Стычек не было уже пару недель, жара стояла несусветная, а жители деревни, перепуганные недавними событиями, не спешили возвращаться на обжитые места и везти назад своих веселых сестер и служанок. И винный погребок Левконой был давно пуст... Ежедневные занятия с оружием, которые кампигены проводили с упорством маньяков, давно стали рутиной. Словом, ребятам было скучно.

Со скуки они и взяли пару старых телег и поставили их на бок, добавив два десятка пустых бочонков из-под вина и масла да кучу прочего ненужного скарба. Прямо поперек великой Римской дороги. Да и стали требовать со всех проезжающих новый вид подати: «на безопасность дорог».

Купцы, которых, правду сказать, было совсем немного, окинув взглядом не совсем трезвых легионеров, торопились откупиться либо вином, либо угрозами нажаловаться цитиру-ону или даже самому легату... и та, и другая монета принималась в уплату без возражений, вино тут же выпивалось во славу Рима, а угрозы пропускались мимо ушей. Впрочем, купцы, расплатившиеся грозными словами, пропускались тоже: парни ведь просто шутили, не грабители же они, в самом-то деле...

Этот отряд сразу повел себя по-другому. Небольшой, всего десяток конных слуг, вооруженных, правда, до зубов – но покажите мне такого противника, который испугал бы легионера... Да еще конного противника. Конницу непобедимая римская пехота от души презирала, и по делу.

Но это были какие-то совсем особые конные. Развернувшись полукругом, они окружили просторный паланкин и выставили короткие копыя. Увидев это, «свора безголовых» непочтительно заулыбалась, а кое-кто и заржал в голос.

Занавески паланкина дрогнули и разъехались. Йонард взглянул туда... и почувствовал, как булыжник мостовой, уложенный на века, шатается под ногами.

Красавицей ее не назвал бы и ритор, нанятый за деньги. Слишком высокий лоб, слишком густые брови, нос большеват... а может быть, и не чуть, а просто велик, презрительно поджатые губы... Все это наводило на мысль скорее об уродстве, чем о красоте. Но мысль эта была бы неверной. Знатные патрицианки уродками быть не могли по определению. Слишком чистые, слишком ухоженные, слишком красиво одетые и слишком неприступные. Чувство собственного превосходства, когда оно истинно, подобно короне. Оно заставляет всех окружающих слегка присесть. Или просто опустить глаза и посторониться.

Что и сделала «свора безголовых» при полном молчании и в полном изумлении от собственного поступка.

Женищина не сказала ни слова, только одарила легионеров взглядом, каким одаривают... дворовых псов, растягивавшихся не ко времени и не к месту. Затем занавески паланкина сдвинулись снова, и маленький отряд проследовал своей дорогой.

– Сестра патриция Публия, на виллу едет, – с видом «бывалого» и все знающего проговорил Манур, – видал, как зыркнула.

– У меня аж по зубам зеленому прошло, – кивнул Смитрак.

– А чего это вы все присели, как куры, которым срочно приспичило снести яйцо? – Марк, единственный в «своре» чистокровный римлянин, презрительно сощурился. – Баба как баба. А охрана у нее хоть и храбрая, да в настоящем бою слова доброго не стоит.

– Так-то оно так, – кивнул Манур, – но то ведь в настоящем бою. Мы же не собирались по-настоящему воевать с личной охраной патриция. За такое можно и головой заплатить.

– Можно подумать, больше нигде ты головой не рискуешь, – фыркнул Марк. – Когда на тебя несутся готы, ты вскидываешь руки и провозглашаешь: «*Noli me tangere – civis romanus sum!*»¹.

– И они, конечно, слушаются...

– Может быть, и послушались бы, если бы понимали латынь.

Насмешки завели вспылчивого Манура.

– Ты хочешь сказать, я испугался бабы?

– Нет, я хочу сказать, ты испугался бабы и десятка конных, – бросил Марк.

– Я знаю, где ее вилла, – с отчаянием в глазах бросил Манур.

– И что с того? – с жесткой усмешкой поинтересовался Марк.

– Я ее... эту бабу... того...

– И десяток конных тоже... того? И лошадьми не побрезгуешь?

– А справишься?

– Манур, ты что... пошутили и хватит, – попробовал Йонард урезонить приятеля, – что ты, бабы не видел. Так вернется Левконая, она тебе такое покажет, чего ни одна патрицианка не умеет.

– Ставлю недельное жалование, что этот щенок даже близко к вилле не подойдет, – бросил Марк, и это решило дело.

Поздно ночью Манур исчез из лагеря. Никто не верил, что он и впрямь отправился на виллу патрицианки. Вернее, не хотели верить. Думали, что у парня хватит ума до утра отсидеться где-нибудь поблизости, а потом вернуться и напелсти семь лиг до небес о том, какая жаркая была ночь. И готовились даже, в целях сохранения мира и порядка в «своре», сделать вид, что поверили Мануру.

Только парень не появился ни утром, ни к полудню. Ни к вечеру.

– Сбежал? – рассуждали легионеры, – побоялся признаться, что не хватило духу влезть на виллу? Скорее всего, так оно и есть. Только зря он это сделал.

Дезертиров, как и воров, не миловали. Если в мирное время уход их войска карался понижением в должности и переводом из легиона в иной род войск, то в военное время наказание было одно – смерть.

Но Йонард не верил в побег приятеля. И все чаще посматривал на дорогу, по которой проскакал небольшой конный отряд, охранявший патрицианку. Впрочем, пустым мыслям он предавался недолго. Выходка «своры безголовых» дошла до самого Сервилия, и, разгневанный, он распорядился бросить недисциплинированных воинов в самое пекло, на оборону цирка...

– Хрофт! – еще раз повторил Йонард. Наверное, впервые в жизни он не знал, что ему следует предпринять. Эти гнетущие воспоминания о службе в Риме все чаще не давали покоя. Хотя прошло уже пять лет. О боги!

Германец стоял незыблемый как скала, тяжело придавив широко расставленными ногами землю, чтобы не вывернулась ненароком в самый неподходящий момент...

¹ Не трогай меня – я римский гражданин! (лат).

Караван, который северянин вел на этот раз из Ашкелона в Эрак, был не самым большим. Йонарду случалось видеть и большие. И самому бывать в них проводником. Но он предпочитал длинным растянутым вереницам тяжело навьюченных верблюдов малочисленные подвижные отряды. В таких обычно хозяева везли товары столь нетерпеливо ожидаемые, что задерживаться до того времени, когда соберется больше купцов, они не имели ни желания, ни возможности. Бывали и другие причины для спешки, например желание во что бы то ни стало оказаться на новом базаре раньше собратьев по ремеслу. А для Йонарда во всех случаях выпадала прямая выгода – платили такие купцы проводнику вдвое дороже. Ведь и вести такой караван, и идти в нем опаснее. Нет большой охраны. Легче стать добычей охотников за чужим товаром. Да и проводник ведет не обычной проторенной тропой, а кратчайшей дорогой через барханы. И переходы без всякой надежды на долгожданный колодец вдвое длиннее. Йонард водил караваны между Ашкелоном, Эраком и Хорасаном с зимы, и, когда по-летнему жаркие лучи солнца обожгли землю, не было в этих богатых торговых городах купца, да и простого жителя, который не знал бы Йонарда, Йонарда-северянина, лучшего проводника. Его караваны всегда приходили целые и невредимые, все люди были живы, товар в полной сохранности, ни одно животное, будь то верблюд, лошадь или ишак, не пало в дороге. Заполучить Йонарда в проводники хотели многие караванщики, но он своим особым, почти животным чутьем, безошибочно определял, где хозяин, действительно, не поскупится на награду.

Вот и на этот раз он повел маленький караван: всего из восьми верблюдов, двух купцов и трех погонщиков. Поклажи было немного, но зато все товары предназначались для гарема самого правителя Эрака. Тончайшие китайские шелка, великолепные по рисунку и качеству работы иранские ковры, индийское розовое масло в запечатанных сосудах из обожженной красной глины, чтобы не исчез дивный аромат цветущих долин, заключенный в них. Ну и, конечно, драгоценности. Один из двух купцов оказался знакомым Йонарду, как-то по весне он уже вел его караван из Эрака в Ашкелон. Им тогда посчастливилось отбиться от банды диких кочевников-грабителей, но слуг у них тогда было больше, и везли они прекрасные клинки, которыми можно было перепоясаться без риска сломать дорогое оружие, и кольчуги, сияющие живым, текучим серебром.

Ашад, так звали знакомого купца, на этот раз выбрал в проводники Йонарда не случайно. Одних шкатулок с жемчугом он вез больше двух десятков. Золотые кувшины и подносы с огромными рубинами и сапфирами, чаши, украшенные алмазами самой разной величины – от тончайшей пыли до «бычьего глаза», а уж о разных коробочках из слоновой кости и китайского нефрита с перстнями, ожерельями, подвесками просто говорить не приходилось. И доставить все нужно было как можно скорее и в полной сохранности. Иначе правитель Эрака мог лишиться последней радости и утешения в жизни: любви и почитания своего гарема. Всего лишь из-за того, что, как на ушко шепнули Ашаду, а он, в свою очередь, в такой же тайне пересказал своим попутчикам, посчастливилось правителю купить для себя новую наложницу.

Она была стройна, прекрасна лицом, белокожа, светловолоса, с таинственно мерцающими зелеными глазами. Огромные, широко расставленные, они лишали разума всякого, кто отваживался в них заглянуть. Правитель не был исключением – он был мужчиной. Его даже не насторожила слишком низкая цена, запрошенная за нее. Она стояла среди торговцев и евнухов такая хрупкая, нежная, трогательно-беззащитная в своем восточном наряде. Все в этой женщине говорило, что она достойна гарема любого правителя. Непонятным было лишь то, кто же захотел расстаться с такой драгоценностью своего сердца.

Правитель понял это сразу же, как только белокурая красавица воцарилась в его серале. Она тут же заявила, что более нищего гарема ей в жизни своей не приходилось видеть, что правитель скупец и скряга, и за столь жалкие подачки своим женам достоин разве одной сухой улыбки и пяти вырванных волосин из бороды, что такому скопидому лучше держать вместо целого гарема одну ослицу себе под стать. Кроме того, она пригрозила правителю, что если он

попытается от нее избавиться, она расскажет о его скарденности всем в Эраке. Но все равно, с ней одной еще можно было бы сладить, так нет! Она взбаламутила весь гарем. Все жены одновременно отказали правителю в утешении. Он стал раздражителен и зол, гневался по любому поводу и вымещал свое раздражение на верных слугах и ни в чем не повинных приближенных. Ашад смеялся до слез, рассказывая, как о голову одного из них правитель расколотил блюдо с сахарной патокой, и как бедолагу отмывали потом в бассейне у фонтанов в саду правителя. И все бы кончилось благополучно, но в нем, оказывается, жили редкие золотые рыбки, которые то ли от испуга, то ли от сахара, повсплывали кверху брюхом, и слуги долго ловили их за скользкие широкие хвосты и носили на кухню. Поглядев на лазурную гладь бассейна, покрытую ярко-желтыми телами пузатых пучеглазых рыб, правитель грустно вздохнул и решил одарить своих жен так, как никто в мире, чтобы снова во дворце воцарились мир, покой и благоденствие. А еще приказал не селить больше рыб в бассейн, отныне и впредь.

– Теперь ты понимаешь, приятель, какой важный караван ведешь сейчас, – вытирая слезы, проговорил Ашад.

– Клянусь Хрофтом, эта девица знает, чего хочет, и как этого добиться. Видно, не один владелец почувствовал на себе ее хватку. Поэтому и продавалась по дешевке, – похохатывая, откликнулся Йонард.

– Да, самый ненадежный товар – это женщины. Никогда не можешь знать наверняка, сколько она стоит на самом деле, – поддержал второй торговец.

Ох уж эти женщины! Ну да, была у него и эта небольшая рана. Даже не рана, а так, вроде бы пустяк. А на пустяки стоило ли обращать внимание? Вот только...

Второй раз они увиделись неожиданно и плохо. Хотя любая такая встреча ни к чему хорошему привести не могла, так что не важно, где и при каких обстоятельствах. А обстоятельства были – из рук вон.

Шел третий час ночи, и «свора безголовых» в казарме видела десятые сны. За исключением тех, кто стоял в карауле. Расквартирование в самом Великом городе парни приняли без особой радости. Понимали, если уж допустили врага до последнего рубежа, ничего хорошего в этом нет. И на счет римских бань и римских баб прохаживались, конечно, как без этого, но уж больно невесело, как будто по обязанности. Настроение было паршивое. Как раз для того, чтобы драться насмерть, не пытаясь сохранить жизнь и не думая о будущем, которое медленно, но верно оборачивалось дымом, вместе с самой Империей, под натиском молодых и сильных варварских племен.

Йонард проснулся очень быстро, как всегда. Как всегда, первым делом нащупал рукоять короткого ножа и только потом осознал, где он и что с ним. А в следующий момент открыл глаза и увидел над собой физиономию Равала, «старшего по палатке», говоря проще, десятника.

– Одевайся и выходи. Только легкое оружие, – бросил он и подошел к спящему Смитраку.

Переспрашивать Йонард не стал, знал, что молчаливый Равал, ходивший у центуриона в любимчиках, ничего сверху не скажет. Да и зачем? Все равно сейчас все узнает из первых уст. И, похоже, новости из тех, что лучшие бы и не слышать вовсе.

Опасения Йонарда оправдались на все сто.

На улице шел дождь: не мелкая и противная морось, с которой приходили первые холода на родине германца, а хороший, честный дождь, который легионеры великой империи терпеть не могли: сырость плохо влияла на доспехи. Паницирь, шлем, меч, поножи и нарукавники приходилось потом до седьмого пота драить, смазывать специальным маслом и снова драить... За пятно ржавчины на доспехе можно было заплатить очень сурово. Чуть ли не со времен Ромула считалось, что сверкающий доспех нагоняет страх на врагов... Может быть и так, только нынешние враги не слишком боялись прославленного римского блеска.

Под символической защитой кривоватой каменной стены стояла пятерка воинов. Йонард подошел поближе и среди них разглядел самого префекта легиона. Он завернулся в плотную шерстяную накидку, смотрел в землю и слегка горбился, что было очень плохим признаком. Пожалуй, еще худшим, чем то, что такая большая ишишка вдруг ни с того ни с сего снизошла до простых солдат.

Вскоре появились Равал и заспанный Смитрак, который, не скрываясь, зевал во весь рот, обнажая набор зубов, неплохой, но далеко не полный. Однако, увидев высшего начальника собственной персоной, он зевать перестал и начал часто моргать. Проняло-таки. Третьим в этой группе оказался Тремон, которого вся «свора» уважала за звериную силу, но с трудом терпела за нечеловеческую скупость.

– Значит так, парни, – вполголоса произнес префект, – сейчас мы с вами пойдем в один богатый дом. Что бы там не увидели и не услышали, исполняйте мои приказы так, словно вас ничего не удивляет. Думать, сомневаться, спрашивать будете потом. Тот, кто проявит себя хорошо, получит все объяснения. Потом. Если захочет. А тот, кто не захочет никаких объяснений, получит лично от меня пять монет.

Смитрак перестал моргать и заулыбался. Физиономия Равала осталась каменной. Шагая по узким улочкам, в которых он все еще ориентировался слабо, Йонард не переставал размышлять о том, каким странным был состав группы для этой вылазки. Самый молчаливый, самый тупой, самый жадный и... Себя Йонард полагал парнем средним во всех отношениях. Да, силен, но в «своре» были парни и посильнее, тот же Тремон, который на спор рвал веревку, напрягая шейные мускулы. Да, храбр, отличился в боях и отмечен центурионом... Но этим воинов Рима не удивишь, каждый из них мог похвастать тем же... только не хвастали. Перед кем? Насчет ума... Йонард тешил себя надеждой, что соображает он неплохо. Может быть, льстил?

За размышлениями путь показался коротким. Перед глазами выросли массивные железные ворота. Как не плохо Йонард ориентировался в хитросплетениях Вечного города, но и он понял, что префект привел их группу какими-то скрытыми тропами на южный склон Палатинского холма, в квартал знати.

Внезапно от темной стены отделилась фигура, закутанная в такой же плащ. Парни, не раздумывая, обнажили мечи и встали так, чтобы защитить префекта. Но – поторопились. Фигура сделала шаг вперед, оказавшись на расстоянии видимости. В этот момент дождь, ливший всю дорогу, вдруг прекратился и, как по заказу, плотные серые облака разошлись, выпуская почти полную луну. И Йонард подумал, что одно из двух: либо он спит и видит странный сон, либо он проснулся в странном мире. В мире, где запросто на темной улице можно повстречать самого лысого германца Одоакра, командующего личной охраной императора...

– Я надеюсь, парни, которых ты отобрал, полностью надежны, – сказал лысый, обращаясь к префекту. Самих воинов он удостоил лишь беглого взгляда, но, как Йонарду показалось, увидел все что нужно и даже несколько больше, чем те хотели бы показать легендарному человеку.

– Не беспокойся, – коротко ответил префект и в свою очередь спросил: – Нас ждут?

Не отвечая, лысый коротко стукнул рукоятью ножа по железной решетке два раза, потом, с небольшим перерывом, еще два. Звук получился глухим и не очень громким, но, видно, тот, кто должен, слышал, так как железные ворота, заранее смазанные... или просто подерживаемые в таком состоянии рачительными слугами, распахнулись не то что без скрипа, а вообще без звука. Их встретили. Йонард уже устал подсчитывать фигуры, закутанные в плащи и накидки, прячущие лица, и очередного парня с такими же манерами просто отметил, не вглядываясь.

Большой зал, где они в конце концов очутились, был поделен на две части мраморными колоннами. В глубине стоял круглый стол, за которым расположились трое мужчин и женщина. Стол не был уставлен яствами, для трапезы час был слишком поздний... или слишком ранний. Не годился он и для молитвы, и для игры. Но троица в зале явно была чем-то занята, и, похоже, дело было серьезное и срочное. Мужчины склонились над какими-то свитками, один прижимал кожу к столу, другой водил пальцем, разбирая знаки, и время от времени сверялся с небольшой деревянной дощечкой, которую держал в руке. Женщина смотрела в сторону.

Увидев ее, Йонард как будто получил полновесный удар под дых. Много времени прошло, но так и не забылся ни случай на великой дороге, ни пропавший товарищ. Она сидела так же прямо, смотрела невозмутимо и чуть презрительно, лишь лицо ее, некрасивое, но гордое, было бледным. Хотя, возможно, виновато было скудное освещение. Двое других мужчин были незнакомы германцу, но, судя по богатой одежде, принадлежали они к высшей знати.

Повинуясь безмолвному, поданному лишь жестами, приказу десятника, воины быстро рассредоточились по залу, перекрывая все возможные выходы, в том числе и через окна. Три человека, включая и Йонарда, пересекли зал и встали за спиной троицы.

– Именем императора...

До Йонарда, несмотря на всю его хваленую сообразительность, только сейчас дошло, что происходит: арест.

Мужчина справа сделал движение, чтобы схватить со стола свиток, но Йонард довольно бесцеремонно придержал его за плечо, а туповатый Смитрак так же быстро и четко помешал второму переломить деревянную дощечку. Все это было немедленно передано префекту. Женщина не шевельнулась.

– Шифр, – сказал он, едва глянув на свиток, – с помощью этой дощечки вы прочтете его легко, господин Одоакр. Но уже сейчас ясно, что информатор не солгал, патриций Публий действительно готовил заговор против императора. И поэтому мой человек, который, рискуя жизнью, поставил нас в известность о нем, заслужил помилование.

Из темноты, повинуясь движению руки префекта, вышел мужчина, большого роста, но худой и гибкий, закутанный в плащ.

– Напомни мне, Красс, какое преступление совершил этот человек? – хмуро спросил Одоакр.

– Он самовольно покинул войско, – спокойно ответил префект.

Фигура у его левого плеча невольно вздрогнула.

– Дезертир, – бросил лысый.

– Нет. Не думаю. По его словам, парню показалось подозрительным, что сестра Публия едет одна в сопровождении столь малого отряда по такой неспокойной местности, где совсем недавно шли бои. Он решил проследить за госпожой Пробой и божьей волей открыл заговор. О котором немедленно известил меня.

Молодой мужчина, стоявший рядом с префектом, откинул капюшон накидки, и Йонард увидел осунувшееся лицо Манура. Как оказалось, парень был вполне жив. Да еще стал героем... Может быть, и награду получит. Если только лысый пес императора не решит, что лучше бы парня казнить как дезертира.

– Сестра твоя тоже умышляла против Императора? – сурово спросил Одоакр.

Человек, оказавшийся Публием, вскинул голову.

– Ни единым духом. Сестра моя везла письма, не зная, что она везет, лишь выполняя мою просьбу.

– Тогда почему госпожа Проба оказалась здесь в столь неурочный час?

– Она просто принесла нам вино. Я не хотел будить слуг.

Услышав, как брат берет всю вину на себя, явно выгораживая ее, Проба вздернула подбородок, и без того никогда не смотревший вниз, и в упор посмотрела на Манура.

– Тебе было недостаточно того, чем я расплатилась с тобой за молчание, грязный варвар? Ты захотел получить десятую часть богатств нашей семьи?

– Молчи, Проба, – ахнул брат, – ты себя погубишь.

– Так что с того? Разве не погибли уже честь и достоинство Рима, честь семьи и твоя? Что еще осталось у нас такого, что было бы жалко потерять? Жизнь? В нашем положении за нее не стал бы цепляться и последний бездомный босяк, если только он римлянин.

– Сестра лжет, – быстро сказал Публий, – она не хочет оставлять меня одного перед судом императора. Я готов поклясться на кресте, что она – чиста и ни в чем не повинна.

– Лжет Публий, – подал голос сидевший справа второй мужчина, который до этого момента сохранял молчание. Все, кроме воинов, повернулись к нему, – Он пытается выгородить Пробу. Она с самого начала была с нами, перевозила все письма и драгоценности в дар варварским царям...

– Берем всех? – полувопросительно произнес префект, почти не сомневаясь в решении лысого. – Палач разберется, кто из них в чем виновен.

Но Одоакр не спешил. Он еще раз обвел глазами компанию за большим, мраморным столом, пойманную «на горячем» глубокой ночью.

– Для императора было бы лучше, если бы госпожа Проба оказалась невиновной, – промолвил он тихо, словно размышляя вслух, – она просватана за его брата. Заговор не мог пустить корни в императорском доме, это было бы слишком даже для нынешних, воистину страшных времен.

Манур переминался с ноги на ногу и явно желал оказаться где-нибудь подальше отсюда, например, в какой-нибудь жаркой стычке с дикими племенами, где на одного легионера приходится по двадцать нападающих. Парень как в воду глядел. Одоакр обратил свой пристальный взгляд на него. Если Манур и хотел провалиться сквозь землю, то момент был явно упущен. Лысый пес императора славился тем, что нужных ему людей мог достать даже из-под земли.

– Что тебе известно о роли госпожи Пробы в заговоре против Императора? – спросил он, – подумай как следует. От твоих слов будет зависеть твоя жизнь и судьба.

Намек был более чем прозрачен. Лысый не хотел забирать девушку. Не хотел так сильно, что рискнул показаться при почти двух десятках свидетелей глупым или пристрастным, лишь бы эту ночь Проба провела под крышей отчего дома. Что с ней будет дальше, Йонард не обольщался. Яд, действие которого можно выдать за редкую болезнь, был, пожалуй, самым мягким вариантом. Сейчас Манур скажет то, что так желал услышать лысый, и все закончится.

– Она виновна, господин Одоакр, – выдохнул Манур. – Она была с ними. Когда я открыл заговор, она попыталась купить мое молчание. Она... стала моей любовницей. Чтобы я ничего не сказал.

– Глупец, – сквозь зубы бросил Публий.

В глубине души Йонард был с ним совершенно согласен.

– Этот человек куплен, – громко произнес патриций, – Проба невиновна ни в измене императору, ни в измене его брату. Она чиста, клянусь спасением души.

– Берем всех? – повторил префект.

На выходе Йонарда, малость ошарашенного всем увиденным и услышанным, вдруг придержал за руку сам префект.

– Я слышал от твоего десятичника, что ты отважный воин.

– Как и всякий в легионе, – так же вполголоса ответил Йонард. Разговор явно не предназначался для посторонних ушей, он, в отличие от глуповатого и тщеславного Манура, понял это сразу.

– Если Проба не доедет до императорского дворца, будешь старшим по палатке...

– *Побег? Или...*

– *На твоё усмотрение, воин, – бросил префект и как-то сразу отдалился.*

* * *

Все, включая слуг-погонщиков, неторопливо покачивались в такт размеренной поступи величественных и погруженных в себя двугорбых верблюдов. Йонард не любил путешествовать на этих непредсказуемых зверях. Он знал, что опытные погонщики могут определить характер зверя уже по тому, как он чешет задней ногой за ухом, хотя ему никак не удавалось посмотреть, когда и как верблюды это делают. Наверняка именно поэтому ему всегда и попадались такие норовистые упрямы, что можно было заподозрить в их родне ишаков. Зверь – тонконогий жеребец чрезвычайно редкой, игреневого масти – был куда понятнее и проще. Они сразу ладили, несмотря на то, что Йонард не слишком хорошо обошелся с его бывшим хозяином – приколол его к горячему песку коротким копьем. Впрочем, Йонард всегда ладил с благородными животными. Ехать рядом с Ашадом было весело, поучительно, но опасно. Его «скакун» плевался. Причем, плевался по всякому поводу и даже без. Видно, так относился к жизни. Вот и сейчас, подтверждая сказанное им по поводу цены на красотку, Йонард сплюнул налево, а так как ехал справа от Ашада, то, выходит, сплюнул под ноги его верблюду. Тот в свою очередь не остался безучастным к разговору и тоже сплюнул, повернув голову, чтобы лучше слышать. И вся жижа полупереваренной колочки попала прямо на новый зеленый халат Йонарда.

Халат этот был варвару особо дорог. Он выторговал его на базаре в Ашкелоне даже не за полцены, а за пятую часть. Происшествие было невероятное и вызывало законное недоверие у всех, кому Йонард пытался о нем поведать. В науке исчисления варвар был далеко не так силен, как торговец, но знаменитое северное упрямство сослужило ему хорошую службу, и Йонард взял торговца измором. Несколько раз он махал рукой и уходил. На весь базар призывал посмотреть на «паршивый товар этого паршивца». И вовсе не потому, что Йонарду так нужен был этот халат. Нет. Он прекрасно обходился рубахой и штанами из плотной ткани да теплой накидкой в непогоду. Просто, выйдя из кабака, где праздновали окончание очередного удачного путешествия, Йонард обнаружил у себя в кармане одну, неведь как уцелевшую мелкую серебряную монетку и тут же поспорил с приятелями, что купит на нее... Тут он на миг задумался, и его блуждающий взгляд остановился на разноцветной груде халатов. Продавец, обрадованный поначалу такому вниманию к своему товару, уразумел вскоре, что над ним смеются. Не мог же, в самом деле, этот здоровенный и по виду неглупый парень всерьез предлагать за прекрасный новый халат эту монету сомнительной стоимости, и, похоже, с обрезанными краями. Но из-за спины покупателя то и дело выглядывало короткое копье, и тогда слова варвара приобретали некоторую убедительность. Впрочем, торговец видел, что странный покупатель не собирается пускать копье в ход немедленно. Да и потом, торговался он так самозабвенно, так упоенно, что торговец был готов отдать ему свой собственный халат, который только утром надел в первый раз. Когда вышедшие вслед за германцем приятели смогли, наконец, уговорить его вернуться в кабак и потратить монету с большей пользой, торговец, бросив свой прилавок, догнал Йонарда с приглянувшимся ему халатом. Со словами «Носи, дорогой, на здоровье. Давно со мной никто так не торговался. Одно удовольствие слушать. Носи. Дарю!» он набросил халат варвару на плечи и, вытирая слезы умиления, поспешил назад. Так что халат был добыт почти в бою, во всяком случае, словесном.

Плевок испачкал полу, но Йонард, не желая уронить себя во мнениях двух почтенных караванщиков, ограничился лишь громким окриком «Не шали!». Верблюд ответил непотребным ревом и, остановившись как вкопанный, стал не спеша мочиться в его сторону, задрав облезлый хвост. Зверь, переступив тонкими ногами, посторонился. Йонард искоса взглянул на своих попутчиков. Они сидели, устроившись каждый на своих тюках, и неотрывно смот-

рели в какую-то им одним видимую цель далеко-далеко впереди. Лицо Ашада было непроницаемо спокойно. Плечи Зикха подозрительно подергивались. Слуги грызли себе кулаки, чтобы не рассмеяться в голос. Положение спас сам Йонард. Еще несколько мгновений он сохранял, точнее, пытался сохранить важный и неприступный вид, но, не выдержав, сначала улыбнулся одними уголками губ, потом рассмеялся запрокинув голову, открыв всеобщим взорам два ряда великолепных, белейших жемчужин. Величиною с фасоль каждая. Перед такой ослепительной улыбкой просто нельзя было устоять. Смеялись все долго, кто до слез, кто до рези в животе. Вместе с ними смеялось небо, опаленное солнцем, грозя опрокинуться на землю и придавить все живое своей выпцветшей твердью. Хотя сейчас казалось, что единственными живыми существами в этом безбрежном океане песка был только сам Йонард и его маленький отряд.

Уже через два перехода от Ашкелона караван затерялся среди бесконечных рядов песчаных холмов, похожих на застывшие волны. Сыпучие барханы были разбросаны повсюду, куда хватала взора, и создавали настоящую путаницу. Даже опытные караванщики могли запросто сбиться с дороги и затеряться в бесконечном лабиринте песков. И плутать до тех пор, пока счастливая встреча с караваном или смерть от жажды не прекратит их мучений.

Но Йонарда не так-то просто было сбить с пути. Северянин был твердо уверен, что еще до заката они достигнут колодца на проторенной караванной тропе, выйдя к нему с точностью до четверти лиги. Потому что германец находил путь не по солнцу и даже не по звездам. И уж тем более не по очертаниям барханов. Он, как собака, «держал нос по ветру». Нет, не то чтобы он мог учуять запах свежей воды. Просто ветер – хозяин пустыни. Он встает и ложится вместе с солнцем. Ветер жаркий, сухой, пыльный, распахивающий щетинистые песчинки в самые мельчайшие щелочки, под одежду, растирающий влажную от пота кожу в кровь – это проклятье путешественников может стать настоящим спасением для человека, знакомого с его повадками. Ветер в пустыне дует постоянно в одном направлении. Только ходить по ветру умеют далеко не все караванщики, даже те, кто провел в песках больше лет, чем прожил в человеческих жилищах.

А вот Йонарда ветры словно полюбили. Или просто новичкам везет, как рассуждали старые проводники. «Йонард – это поветрие, – говорили они между собой, – с ветром пришел, с ветром и уйдет. Только пыль следом завьется». Северянин знал многие ветры пустыни: гебли, хамсин, шехили, когда какой из них дует и где. Только одного не знал варвар – что не он один «ловит ветер удачи». И кажущееся одиночество их каравана в пустыне на деле оказалось не таким уж полным.

Когда по приметам Йонард ожидал увидеть тропу, навстречу путешественникам из-за высокого бархана вылетел вооруженный отряд. Их было семеро. Конные. «Лошади совсем свежие – оценил Йонард, – верблюдам не уйти». А то, что это был противник, сомневаться не приходилось. Все семеро неслись к каравану Йонарда на таких широких махах, что было ясно – поворачивать они не собираются.

– Боги! Только бы это был не Хаим-Лисица, – взмолился вдруг Ашад.

– Есть разница? – холодно поинтересовался Йонард, внимательно наблюдая за приближением отряда. При этом он не забыл вытереть оплеванную полу халата о верблюжий бок.

– Я не слышал, чтобы хоть раз Хаим ушел без добычи, – откликнулся Зикх.

Варвар зло сощурился. Он не терпел подобных разговоров. Северянин не раз слышал рассказы караванщиков о многих лихих людях, но справедливо считал, что рассказчики сильно преувеличивают. Во-первых, для того чтобы превознести свою доблесть, во-вторых, чтобы скрыть свою трусость.

Меж тем всадники очень быстро приближались. Уже видны были белые бурнусы, закрывающие лица до самых глаз, такие же, как у самого Йонарда и его спутников. Кольчуг не видно, но сабли, даже судя по ножнам, не тупые и зазубренные, а самые что ни на есть «отточенные на короткий замах». По железным узорам на сбруях коней плясали солнечные блики. Такие

же вспыхивали в глазах всадников. Вожак на горбоносом и тонконогом гнедом коне закричал, вернее, дико завыл, предвещая гибель каравану. Ашад поежился. Слуги постарались вжаться в седла. Йонард остался невозмутим. Те времена, когда его мог напугать крик, какой угодно жуткий, минули давным-давно.

– Осторожней! – тонкий детский голос Хильды дрогнул от страха за него, и от этого в сердце восьмилетнего Йонарда разлилось теплое чувство. Но он лишь презрительно сощурился, подражая отцу и братьям, и не обернулся на крик любимой сестры. Кабан был огромным, злобным зверем с маленькими глазками и острейшими, смертельными клыками, он настороженно следил за юрким мальчишкой, ловил момент для стремительной атаки, и обернуться на голос значило совершить ошибку. Вполне вероятно – последнюю в жизни. Йонард был уверен, что ни отец, огромный, поседевший в боях воин, ни три старших брата, такие же могучие и суровые, даже подчас жестокие мужчины, не шевельнуться, если кабан подомнет под себя маленького и худого мальчишку. И это было правильно. Воин должен рассчитывать только на себя, иначе место ему за прялкой.

Йонард сделал быстрое обманное движение в сторону. Кабан метнулся за ним и получил крепкий удар ножом в бок. Горячая кровь плеснула на ладони, и Йонард, чуть не выронив единственное оружие, поспешино отскочил назад. Рана была далеко не первой, а зверь – еще слишком быстр. До сердца Йонард опять не достал.

– Похоже, у меня родилась дочь, – процедил отец тихо, но так, чтоб услышали и Йонард, и старшие сыновья, – со свиньей не справиться! Что же будет, когда этот щенок встретит настоящего воина?!!

– Должно быть, завиляет хвостом, – предположил брат, и все четверо обидно рассмеялись.

Ну вот, он встретил врага. Хрофт знает, какого по счету, с тех самых пор, как его первый бой с кабаном закончился первой победой мальчика и первым настоящим горем. Таким, от которого он еще долго вскрикивал по ночам. Теперь давно не вскрикивает. Да и хвостом вилять, вопреки предположению брата, так и не обучился. А братом с тех пор он зовет только короткий меч, повешенный у бедра.

Подчиняясь приказу главаря, семерка всадников стала стягиваться, и вскоре превратилась в огромную хищную птицу с клювом, направленным прямо на Йонарда. Не торопясь, германец соскользнул на землю, обнажив меч. И, поправив выбившуюся из высокого кожаного голенища штанину, пошел на всадников.

Йонард успел сделать навстречу разбойникам не более десятка шагов. То, что это были именно разбойники, сомневаться не приходилось. На мирных людей они совершенно не походили. Они были вообще мало на кого похожи: на многих – одежда явно с чужого плеча. Причем плечи были одни, а ноги – так совершенно другие, не только по длине, но и по ширине.

Наверное, над таким пестрым сборищем можно было бы посмеяться. Как-нибудь в другой раз.

Сейчас Йонард только криво усмехнулся и положил ладонь на рукоять Брудера. Он ждал, и разбойники не заставили его ждать долго. Налетели, неся за собой, как тот же хамсин, тучу песка и пыли и остановились, резко осадив низкорослых темно-гнедых коней всего в паре метров от Йонарда. Тот, что был одет намного лучше, чем его спутники, видимо – предводитель, спешился и направился напрямик к северянину. Это был человек, статью лишь немного уступающий могучему варвару. Меча при нем не было, но на широком поясе висело с десятков ножей для метания. Он был молод, как и Йонард, и так же, как и Йонард уже научен безжалостной жизнью смирять свойственные юности порывы. Он подошел к Йонарду спокойно и уверенно. И остановился, разглядывая его с холодным любопытством, явно оценивая. Вот тогда

Йонард и вспомнил молчаливого северного бога, которому не было дела до своих детей. И сказал: «Хрофт!».

Услышав странное слово, молодой предводитель разбойников шевельнул широкими светлыми бровями, словно что-то припоминая. И вдруг мгновенно преобразился. Глаза его вспыхнули теплом.

– Ты – Йонард из Германии! – воскликнул он.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Допустим, – нехотя отозвался Йонард, – а кто ты такой?

– Я – Керам, – произнес парень с такой же интонацией, с какой говорят «шаханшах Ирана» или «Римский император». Впрочем, ни это имя, ни тон не сразили Йонарда. Отчасти потому, что его вообще было трудно сразить, а отчасти оттого, что он уже начал догадываться, кто перед ним. Слава Керама, лихого грабителя караванов, опережала его на три лиги.

– Мои люди искали тебя, Йонард, – проговорил он.

– Незачем меня искать. Вот он – я, – тоном, даже отдаленно не напоминающим приветливый, ответил северянин.

– Ты мне нужен, – Керам, а это действительно был он, словно в подтверждение своих слов распахнул бурнус и одарил северянина широкой улыбкой.

– Хрофт, – еще раз повторил Йонард.

Его незримый и безразличный ко всему покровитель явно заботился, чтобы его сын ненароком не соскучился в этих жарких южных краях. Германец убрал руку с меча, Впрочем, не слишком далеко.

– Я многим нужен, – ответил он.

Керам улыбнулся еще шире и еще приветливее. Йонард подумал, что так не радуются даже при встрече дорогого и любимого брата, которого считали погибшим, а он неожиданно-негаданно нашелся как раз тогда, когда родственники поделили меж собой его имущество. И больше всех радуется тот, кому досталась самая ценная и дорогая вещь.

– Я был в Ашкелоне, но не застал тебя. Знающие люди сказали, что в пустыне Йонарда-северянина искать бесполезно. Но, знаешь, у нас в Иране есть поговорка: «Если двум тропам суждено пересечься, то будь одна из них горной, а другая пролегай среди песков – они сойдутся на дне моря».

Взгляд изумрудных глаз скрестился с халцедоновыми, и на мгновение Йонарду показалось, что на землю посыпались незримые, но осязаемые искры. Малейшее дуновение ветра-настроения, и пожар неминуем. Но Керам знал ветры не хуже северянина. Он слегка пригасил улыбку и замолчал. За свои нелегкие двадцать лет Йонард повидал много разного и интересного, поэтому долго любоваться глазами своего собеседника не стал. Он перевел взгляд на пояс метательных ножей Керама и добавил почти добродушно:

– Ты забыл о Кашмере.

– Невозможно забыть о Кашмере, – тут же подхватил Керам, – именно поэтому я и оставил его напоследок!

«Этого хитреца, видимо, ничто не смутит», одобрительно отметил германец, чуть пригасив холодный огонь светлых глаз. Иранец, похоже, кожей ощутил перемену в отношении северянина. Он оглянулся на своих людей, замерших позади него плотной группой – шесть всадников. Махнул рукой, приказав всем спешиться, искоса взглянув на Йонарда. Тот остался стоять там, где стоял, всем своим видом демонстрируя если не доверие к Кераму, то свое знаменитое бесстрашие. Теперь иранец окончательно убедился, что перед ним тот, кого он искал.

– Ждите, – бросил Керам и, обернувшись к Йонарду, предложил:

– Отойдем в сторону. Надо поговорить.

Это было совсем не по правилам, но, видно, желание поговорить с германцем пересиливало в его новом знакомом все писанные и неписанные законы встреч в пустынях проводников и грабителей караванов.

– У меня нет тайн от тех, кто мне доверяет свою жизнь, – северянин чуть повел головой в сторону своего каравана. Купцы, зная, какой груз они везут, не решались подойти ближе, чтобы лишний раз не напомнить о своем существовании.

– Зато у меня они есть, – тихо проговорил Керам и повторил движение Йонарда, указывая, понятно, на своих людей.

– И твое дело не терпит?

– Терпит, но с трудом.

Йонард мгновение помедлил, потом решительно тряхнул головой так, что края его бурнуса, и до того едва прикрывавшие подбородок, разлетелись в разные стороны. Они отошли на десяток шагов, миновав невысокий барханчик слева от них, шагая плечом к плечу так, словно делали это всегда. И сразу стало ясно, что один другому не уступит. Меч и камень – у кого из них больше шансов уцелеть в противостоянии. Мудрый человек не станет ставить последнюю монету ни на то, ни на другое. Разве только камень превратится в воду. Воду, которая пропустит меч сквозь себя и вновь сомкнется за ним. На воде не останется и следа, а меч от неосторожного соприкосновения с таким «текучим камнем» может заржаветь и рассыпаться в прах. Когда их голосов не смог бы расслышать даже человек с самым тонким слухом (который наверняка имелся в отрядах как Керама, так и Йонарда), они остановились. Варвар встал так, чтобы ни на миг не упускать из виду разбойников. Северянина терзали сомнения насчет беспрекословного подчинения приказам в этом оборванном отряде.

– Есть дело, – многозначительно произнес Керам.

– Я догадался, – усмехнулся Йонард.

– Дело рискованное. Вроде бы тебе такие нравятся.

– Люди часто врут.

Керам с удивлением окинул взглядом северянина с головы до ног. Но так и не понял, смеется над ним варвар, или нет.

– Я люблю ВЕРНОЕ дело, – снизошел до объяснения Йонард, – а рискованное оно или нет... – варвар красноречиво пожал плечами.

– Это – ВЕРНОЕ, – откликнулся Керам, пожалуй, слишком поспешно для такого утверждения.

Могучий варвар скрестил руки на груди и, повернув голову к иранцу, словно ожег его холодным взглядом.

– Послушай, друг. Если ты хочешь, чтобы мы с тобой сделали дело, скажи об этом прямо. Не ходи вокруг да около, словно шакал вокруг падали. И есть хочется, и в рот брать противно. Говори быстро и ясно, или ищи другого на мое место.

– Если ты об оплате, – сразу сообразил Керам, – так ведь не только не обижу, а все, что унесешь – твое.

– Ну да, я как-то уже слышал подобное. А уносить пришлось лишь свои собственные ноги, – недоверчиво буркнул варвар.

– Все возможно, – отозвался Керам, – в некоторых случаях собственные ноги – это много. Но в этом деле тебе понадобятся не столько ноги, сколько руки. Сначала – чтобы поработать твоим знаменитым мечом, потом – чтобы выгresti из одного скверного места пару сундуков с побрякушками, которые очень любят женщины. Так как, договорились?

Керам нетерпеливо положил руку на плечо северянину. Йонард медленно опустил голову и уставился на руку Иранца так, словно раньше ничего подобного не видел. Керам снял руку с его плеча и положил на свой пояс с ножами.

– Пару сундуков, – недоверчиво хмыкнул Йонард, – что же это за «скверное место»? Часом не сокровищница Вех-Ардашира?

– Подробности узнаешь потом. Сейчас не время и не место.

– Угу, – с готовностью кивнул Йонард, – вот потом, – он сделал заметную паузу, – и договоримся. Когда...

Закончить мысль он не успел, со стороны, где они с Керамом оставили своих людей, раздались отчаянные крики, брань, проклятья, сопровождаемые верблюдьим ревом и лошадиным ржанием. Йонард отпихнул Керама, одним движением выметнул надежное боевое копье, мощным прыжком перелетел через гребень бархана и, уже съезжая по осыпавшемуся склону к оставленному им каравану, наконец увидел, что произошло. Троице особо нетерпеливым разбойникам как-то удалось подобраться к крайним верблюдам с поклажей, что были без седоков и стояли чуть поодаль. Своей острой, кривой саблей один из разбойников разрубил веревку, на которой крепился тюк с поклажей, и хотел было раскатать его да поглядеть, что за добро везут на базар Эрака господина-купцы. Но вдруг тюк развернулся сам, выпала шкатулка, и желтый песок пустыни вспыхнул рубинами и алмазами. Солнечные лучи отражались в их отшлифованных гранях, дробились и путались, и над горкой драгоценных камней вспыхнули сотни крохотных радуг. Зрелище было завораживающее, и не только для троих грабителей. В тихой панике уставились на него купцы, с детским интересом и любопытством смотрели на необыкновенное зрелище нанятые в Ашкелоне погонщики. На одно мгновение оцепенел и Керам. Видно, светловолосый грабитель и не рассчитывал на такую удачу.

– Назад!

Повелительный голос его легко перекрыл небольшое расстояние и заставил разбойников вздрогнуть и обернуться. Зрелище рассыпанных по песку драгоценностей влекло их несказанно, и эту тягу они побороли не сразу. Но привычка слушаться этого негромкого, вообще-то, голоса, сделала половину дела. Вторую половину довершили широкие ладони Керама, которые мягко опустились на пояс. Видимо, это движение предводителя знали в шайке, и оно не сулило ничего хорошего. Пожалуй, этот молодой, обаятельный и красноречивый человек не замедлил бы положить на песок рядком половину своих людей, в случае неповиновения. Купцы кинулись подбирать тюки, а Керам, стоя по колено в песке обернулся и встретился взглядом с невозмутимыми глазами проводника. Для Йонарда не было новостью, что за караван он ведет. Видно, и плата была соответствующей. Десятая часть, а может, и пятая...

– Послушай, северянин, – рискнул намекнуть Керам после недолгого раздумья, – а ведь здесь богатства королей.

Йонард шевельнул могучими плечами и не ответил ни «да», ни «нет».

– А чем мы с тобой хуже королей? – продолжил Керам, ободренный молчанием варвара. – Я не знаю тебя, германец, но слышал о тебе достаточно. Согласись, глупо оставлять такое богатство в руках жадных купцов и глупых разбойников.

Серо-зеленые глаза не мигая смотрели на Керама и были похожи на два зеркала, которые отражали все, не выражая ничего.

– Если мы сговоримся, – решил Керам, – так ведь мы сейчас, вдвоем, всех этих «искателей удачи» здесь и закопаем. А караван поделим пополам.

Брови Йонарда грозно сдвинулись.

– Или тебе две трети, а мне треть, – торопливо добавил Керам, что-то прикидывая про себя.

– А то твое верное дело? – низким голосом проговорил Йонард.

– Деньги лишними не бывают, – резонно возразил разбойник. – Тем более для тех, кто знает, как их потратить. Решайся, друг, и мы с тобой – два шаха.

– Или два покойника, – хмыкнул Йонард.

– Трусишь? – презрительно сощурился Керам.

Слово это было безотказным средством, и тот, кому бросали в лицо такое обвинение, обычно вспыхивал, как порох, и кидался с головой в любое безрассудство. Но Йонард лишь усмехнулся:

– Ты сказал, что слышал обо мне, – произнес он.

– Я слышал, что Йонард из Германии – отважный воин.

– Тот, кто ценит свое слово дешевле бабьих побрякушек, не ходит дорогой отважных, грабитель караванов, – ладонь Йонарда поудобнее перехватила древко копья, и это движение не осталось незамеченным внизу. – Будем драться.

На мгновение Керам, казалось, смутился, но почти сразу лицо его озарилось широкой белозубой улыбкой.

– Драться не будем, северянин. Ты хорошо сделал, что вспомнил о Кашмере. Керам не грабит своих. А что до «верного дела» – забудь о нем. На время. Дороги судьбы сплетают и расплетают звезды, так говорят свитки мудрости. И у нас, в Иране, не спорят с ними. Возможно, звезды еще раз сплетут наши дороги в одну, и тогда мы поговорим более откровенно.

С этими словами Керам повернулся спиной и пошел к каравану, совершенно не заботясь о том, что не видит вооруженного копьем германца. И Йонард подумал о том, что грабитель либо глуп (что сомнительно), либо слишком умен. Конечно, человек, который отверг его предложение, не станет бить в спину.

Йонард поспешил за ним, на тот случай, если шайка не послушает предводителя. Однако его опасения оказались напрасными. Несколько повелительных слов, брошенных Керамом, его имя и упоминание Кашмера остудили горячие головы. Та троица, один из которой щеголял огромным синим носом, похожим на крупную сливу, поогрызалась, но возражать не посмела. Видно в том, что рассказывали люди о Кераме, было много правды. Через некоторое время разбойники скрылись за горизонтом, и купцы, словно сбросив оцепенение, заговорили все разом. Слово «Кашмер» им не понравилось, но чудесное избавление от разбойников вознесло Йонарда на такую высоту, что германец начал смутно надеяться на повышение обещанной платы. Впрочем, на этот счет, зная Ашада, можно было не обольщаться. После короткой остановки караван снова тронулся в путь среди барханов, почти белых в косых лучах солнца, в море сыпучих песков, вслед за ветром.

* * *

Ночью над пустыней горят близкие звезды. Кажется, стоит лишь протянуть руку – и в ней окажется таинственно мерцающий хрустальный сосуд, наполненный светом, благодатью богов, песнью вечности, красотой мира. На многие лиги простираются пески с горбами барханов, и кажется в темноте, что вокруг колодца на тропе расположился караван исполинских верблюдов, которые спят чутко и тревожно, и их глубокое дыхание иногда слегка шевелит горбы. Может быть, это только чудится в темноте под звездным небом. А может, пустыня действительно дышит.

Пески бесконечны, как время, и жестоки, как жизнь, и прекрасны, как вечные звезды над ними, и непредсказуемы, как женский каприз, и незыблемы, как небесный свод.

Маленький караван расположился на ночлег. Сняв с усталых животных поклажу, напоили верблюдов. По давней традиции, неизвестно где и кем установленной, но свято хранимой, ночевку торжественно «огородили» веревкой из конского волоса. Считалось, что эту преграду не могут преодолеть ядовитые пауки и змеи. Купцы и погонщики слепо верили этой легенде, и улеглись спать в огороженном пространстве так же спокойно, как у себя дома. Йонард не спал, хотя очередь сторожить была, в общем-то, не его. Просто отчего-то не заспалось. Странное чувство овладело Йонардом. Он знал эти бескрайние и непредсказуемые пески почти так же хорошо, как родные горы. Знал слишком хорошо, чтобы спать спокойно. Например, в отличие

от наивных погонщиков и суеверных купцов, Йонард знал совершенно точно, что если какой-нибудь гюрзе взбредет в голову полакомиться верблюжьим молоком, она минует волосяную веревку совершенно свободно, и горе тому, кто окажется у нее на пути, да еще шевельнется не вовремя. И Йонард всматривался в ночную тьму, понимая, впрочем, что не его глазам увидеть крадущуюся в ночи змею, и не его ушам услышать слабый звук трущегося о песок гибкого тела. Понимал он и то, что встревожили его и прогнали сон не змеи с пауками, а мысли, которые подчас бывают такими же смертельно-опасными и умеют подкрадываться так же неуловимо. Дневное происшествие не волновало Йонарда. Он бывал в переделках и поопаснее. Одни из них оставили на теле его страшноватые отметины, другие не оставили ничего, даже воспоминаний. «Хочешь жить – умей забывать», так гласили кстати помянутые Керамом свитки мудрости. Йонард умел забывать, но лишь тогда, когда дело закончено. Эта встреча, Йонард чувствовал это, должна была иметь продолжение.

Внезапно в ночи послышался звук. Далекий и неясный, он нарастал с каждым мгновением и Йонард с беспокойством приподнялся на локте, всматриваясь в темноту. Погонщики верблюдов безмятежно спали, но часовой тоже привстал и беспокойно завертел головой. Зашевелились и купцы. Спустя совсем немного времени звуки стали явственнее, и уже можно было различить глухой топот множества копыт по песку, звяканье сбруи и, далекие пока, человеческие голоса. По ритмичности звука Йонард определил, что идут не верблюды, а лошади. Через мгновение он был уже на ногах, а рукоять меча удобно лежала в ладони. За спиной встали, словно выросли из темноты оба купца. Видно, нападения конных грабителей никто не забыл, и появление ночных всадников разбудило самые худшие подозрения.

Небольшой отряд подъехал почти вплотную и спешил. Раньше, чем прозвучали приветствия, чем выяснилось, кто и зачем пожаловал, люди и животные потянулись к воде, и Йонард посторонился, давая им дорогу. «Если твой враг умирает от жажды – дай ему напиться. Он станет тебе братом», – говорили здесь. Поступали, конечно, по-разному, но говорили именно так. Впрочем, Йонард уже видел, что подъехавший отряд ничуть не похож на оборванцев, которые наскочили на него днем. Во-первых, их было почти в два раза больше. Во-вторых, их лошади были гораздо крупнее и упитаннее разбойничьих. Это, вообще-то, говорило не в пользу пришельцев. Их лошади выглядели красивее, да и нагрузить их можно было изрядно, но по выносливости они далеко уступали неказистым собратьям, которых предпочитали «псы пустыни».

Когда люди и животные утолили жажду, северянин, уже не рискуя показаться невежливым, поинтересовался:

– Кто? Куда? Откуда?

На что раздалось неторопливое:

– Купец Патмарк. В Эрак. Из Ашкелона.

Быстро прикинув в уме расстояние, Йонард решил, что это вполне возможно. Хорошая лошадь под седлом шла вдвое быстрее верблюда. Конный караван купца Патмарка вполне мог выйти из Ашкелона позже и догнать их как раз у этого колодца. Человек, который назвался Патмарком, вышел вперед, поклонился и произнес цветистое иранское приветствие: что-то о том, что боги благословили всех продающих и покупающих, дающих и отнимающих, странствующих и ожидающих. Йонард попытался сообразить, кого иранские боги обделили благословением, но бросил это занятие. Человек, подошедший к Ашаду и Зикху не вызывал у него ни симпатии, ни доверия. Испросив, как это положено по здешним правилам вежливости, разрешения ночевать у колодца и получив его, Патмарк махнул своим людям, чтобы скидывали поклажу на землю, многословно извинился и исчез, но почти сразу возник опять с флягой, в которой была не вода. И даже не кислое вино, которое продавалось в тавернах Ашкелона, а сладкое греческое. Йонард в свою очередь отведал его (поскольку угостили), и с большим удовольствием, но подумал про себя, что скорее разделит бы ночлег с Керамом и его шайкой, чем

с этим вежливым и предупредительным человеком. Германец мог бы поклясться, что никогда прежде не встречал купца и не слышал про него ничего: ни плохого, ни хорошего – тем более необъяснимой была внезапная неприязнь к незнакомцу. И только отведав вина, после того, как развели костер, Йонард наконец понял, что его насторожило. Уж больно пристально приглядывался ко всему ночной гость. И больше не к Ашеду и Зикху, не к тюкам с поклажей. С жадным вниманием, словно не веря в негаданную удачу, купец рассматривал его, Йонарда. И когда варвар сообразил это, купец понравился ему еще меньше.

Впрочем, Ашад настроения проводника как будто не разделял. Потрескивал костер. Языки пламени, оранжевые и медно красные, плясали, освещая руки и лица, и от этого ночь вокруг казалась еще темнее. Йонард прислушался. В разговоре об общих знакомых купцы ушли далеко, и обсуждали сейчас не Ашкелон, и даже не Эрак, а Хорасан, до которого было сейчас «как до Китая раком».

– А знаешь ли ты, почтенный, Рашудию-ювелира? – спрашивал Ашад, разглядывая приежжего сощуренными глазами.

– А как же! – отзывался тот. – Кто же из нашего брата-купца не знает Рашудию-ювелира. Того, кто богат, как сам шаханшах Валшу и щедр, как базарный меняла. Как-то раз один купец из Хорезма помог ювелиру выгодно сбыть три больших алмаза...

Народ у костра оживился. Те, кто уже спали – проснулись и потянулись к огню, не сколько для того, чтобы согреться и глотнуть сладкого вина, которым без устали оделял всех без разбора щедрый Патмарк, сколько потому, что нюхом угадали притчу. А здешний народ лепешке с медом в голодный год предпочтет послушать что-нибудь новенькое, поучительное и желательно смешное.

– Так вот, – продолжал Патмарк, когда установилось молчание, – человек тот, купец, рассчитывал на щедрое вознаграждение, но ювелир сделал вид, что не понимает купца и принялся ласково, но настойчиво выпроваживать его из своего дома. Купец же, сообразив, что его обманули, решил сам перехитрить ювелира и, чтобы сделать невозможным его отказ, повел речь так: «Почтеннейший. Я полюбил тебя, как родного отца и хотел бы вечно помнить тебя, твое мастерство и твое гостеприимство. Дай мне на память один из своих перстней. Вот хотя бы тот, с изумрудом, – к общему удовольствию искусный рассказчик указал на большой перстень на руке Ашада, – в далеком пути, глядя на него, я буду вспоминать тебя». На что хитрый ювелир ответил: «Смотри на палец, где нет моего кольца, и вспоминай меня на здоровье».

Дружный хохот раздался в остывающем воздухе и взметнул искры костра. Даже Йонард криво улыбнулся: притча о жадном купце и хитром ювелире показалась ему забавной, и он повторил ее про себя, чтобы при случае рассказать кое-кому в Эраке. Его подозрения стали мало-помалу затихать. Он уже не помнил, что недавно смотрел на купца из Ашкелона как на разбойника, если не на кого похуже. И, широко улыбаясь, Йонард спросил, подражая Ашаду:

– Почтенный, а не знаешь ли ты некоего Керама?

Брови Патмарка взметнулись в изумлении:

– Кто из купцов, ведущих караваны по этой дороге, не знает про Керама? – ответил он, словно бы нехотя. – Слышали о нем все. Некоторые даже видели. А кое-кто из тех, кто видел, даже живой ушел. Говорят, сам он – юноша не злой, но люди его – сущее отребье.

– Твоя правда, почтенный, – перебил Йонард, – действительно отребье. Которое доброго слова не стоит. Но предводитель их и в самом деле неплох. Хотел бы я знать, так ли он ловок со своими ножами, как об этом говорят.

Патмарк вопросительно посмотрел, но не на Йонарда, а на Зикха. И тот едва заметно кивнул головой, словно подтверждая какую-то догадку купца из Ашкелона. Погруженный в свои мысли, Йонард этого не заметил.

Они проснулись с рассветом. Сухая утренняя прохлада бодрила. Ветер тоже проснулся и звал в путь. У колодца возникла неизбежная толчея: поили лошадей и верблюдов, пили

сами, наполняли водой бурдюки. Погонщики навьючивали животных, покрикивая на своем гортанном, малопонятном наречии. Впрочем, верблюды и лошади их понимали. Тех верблюдов, которые не хотели вставать, приходилось поднимать пинками. Колодец оказался вычерпан до самого дна. Йонард подумал, что пройдет немало времени, прежде чем он снова наполнится водой и сможет утолить жажду тех, кто идет за ними. Но сейчас его беспокоило другое. Утром выяснилось, что Патмарк не прочь «сократить путь» и для этого желает присоединиться к каравану Ашада и Зикха. Разумеется, услуги Йонарда будут оплачены, пусть доблестный воин не сомневается. Йонард и не сомневался. В Эраке он сумел бы получить с Патмарка все, что ему причиталось. Не больше, разумеется, но и не меньше. Но Йонард весьма сомневался, что они доберутся до Эрака. Будь у Патмарка верблюды, объяснение выглядело бы вполне правдоподобно. Но лошади, двигаясь по проторенной караванной тропе, вполне могли достичь Эрака вровень, а то и раньше верблюдов, идущих напрямик. Идя же в одном, общем караване, Патмарку поневоле пришлось бы придерживать своих скакунов, приноравливаясь к медлительности кораблей пустыни. И, вдобавок, Йонард не был уверен, что лошади Патмарка выдержат такой переход, до Зверя им было ой как далеко! Но Патмарка это, казалось, не беспокоило и Йонарду не оставалось ничего иного, как примириться с присутствием подозрительного купца и удвоить бдительность. Палевого цвета клочковатый верблюд Ашада полностью разделяя мнение проводника и подозрительно косясь в сторону лошадей, неспешно встал и, гордо выбрасывая свои лохматые ноги с широкими копытами, уверенно повернул на восход. Следом за ним потянулись другие верблюды с поклажей и всадниками, сзади пристроились лошади и, вытянувшись в цепочку, подобно гигантской пестрой змее, караван углубился в пески.

* * *

Эрак встретил караван суетливым гамом. Впрочем, ничего иного Йонард и не ожидал. Шумели торговые площади, ломились лавки купцов от изобилия товаров, навезенных туда со всего света. Ехал торговый люд из Ирана в Византию, а кто побойчее, забирались и дальше, в Афр. И уж оттуда, с новым грузом, отправлялись назад, домой. Везло, конечно, не всем. Тысячи следов искателей прибыли затерялись среди бескрайних пустынь и снежных перевалов. Кто будет искать их? На смену им придут новые. Быть может, более удачливые. И круг вновь, вот уже в который раз, замкнется.

Вот снова идут выючные животные по улочкам Эрака. Мрачные римляне косо поглядывают на своих недавних данников, молча пристраиваясь к длинному торговому ряду. В Иране не слишком любят римлян, или ромеев, как зовут себя выходцы из Византии. В народной памяти еще жива недавняя война, из которой Вех-Ардашир вынес не только поучительный урок тактики, но и обязательство платить Риму, а ныне его могучей восприемнице дань с обширных и богатых земель. Нет, не за что было иранцам любить римлян. Да и эхо падения Рима еще не отзвучало.

Германец проталкивался среди бурлящей толпы к ближайшему постоялому двору. Верблюды ревели, теснимые со всех сторон людским морем. Лучшие индийские товары везли перекупщики из Хорезма. На одной из маленьких улочек, круто уходящих вбок, Йонард с сожалением простился с Ашадом, получив оговоренную плату сполна. На другой без всякого сожаления расстался с Патмарком, хотя деньги тоже получил. Любезный купец из Ашкелона на своем сумасбродстве потерял трех лошадей, но не выглядел из-за этого чрезмерно опечаленным, напротив, казалось, что Патмарк был чем-то чрезвычайно доволен, и это не нравилось Йонарду. По мнению северянина, для всякого удовольствия должна была быть причина, но в положении Патмарка он никакой причины не видел.

На прощание одарив его улыбкой, Патмарк предложил:

– Ты далеко не исчезай, северянин. Мне вскоре понадобится хороший проводник, и я скупиться не буду.

Йонард кивнул, принимая деньги, а про себя решил, что лучше наймется в погонщики верблюдов, чем выйдет из Эрака с этим скользким и непонятным человеком. О чем он немедленно сообщил Зикху, как только Патмарк скрылся из вида.

Проводник и купец свернули на узкую улочку, удаляясь от суеты. Против компании приятеля Ашада Йонард не возражал. Молчаливый торговец нравился ему тем, что не лез с праздными разговорами, был не прочь хорошо выпить, но не пьянел, и не имел дурной привычки через слово именовать Йонарда варваром. Шум постепенно стихал. В узких изгибах переулков вполне можно было заблудиться, но Йонард был здесь не впервые и знал, что приличными кабачками изобилует любая улица, и на какой-нибудь из них он точно наткнется, куда бы не направился, а это было все, что он сейчас хотел знать о планировке Эрака. Кто ищет, тот найдет. Вскоре Йонард и Зикх наткнулись на заведение, которое показалось им подходящим, с какой стороны ни взгляни. Маленькая потертая вывеска с надписью «Приют уставших» понравилась приятелям. Открытая дверь ненавязчиво приглашала зайти.

– О, Хрофт! Подходящее название, – произнес варвар, спешиваясь.

Зикх последовал его примеру. Откуда ни возьмись появился темнокожий мальчик и смело ухватил за узду сразу и верблюда, и Зверя. И оба мальчишку послушались.

– Держи, – Йонард на ходу бросил ему мелкую монетку и шагнул внутрь.

Зикх задержался на пороге и поманил паренька.

– Знаешь кабачок «Красавица Гюлли» на соседней улице? – вполголоса спросил он.

Мальчик кивнул. Тогда Зикх отсчитал ему сразу три монеты и так же тихо приказал:

– Найдешь там купца Патмарка, скажешь, что друг его остановился в «Приюте уставших», но в гости не ждет. Все понял? Повтори!

Мальчик послушно повторил, не переврав ни слова.

– Умница, – кивнул Зикх, – а теперь беги, да поживее.

И мальчуган стремглав бросился исполнять поручение.

* * *

Йонард проснулся оттого, что в дверь негромко постучали. Рука его метнулась к мечу раньше, чем северянин открыл глаза.

– Заходи, – зевнув, разрешил он.

Потревожил его сам хозяин. С его стороны было не слишком вежливо будить гостя так рано (хотя было уже далеко за полдень) но хозяин наверняка знал, что прошлой ночью уставшему путнику поспать так и не удалось. Сначала они с Зикхом наперебой пробовали местные вина, потом Йонард свел приятное знакомство с молоденькой служанкой. Вернее, бойкая служанка познакомилась с ним, стрельнув зелеными глазами. Эти изумрудные глаза, светлые волосы и необычное северное имя служанки – Регана – послужили причиной того, что Йонард и Зикх до полуночи проспорили, кто лучше: Регана или новая наложница правителя Эрака. Саму девушку этот спор скорее забавлял, чем обижал. К тому же северянин сразу отдал предпочтение ей, и поэтому Регана звонко смеялась каждый раз, когда Зикх принимался описывать прелести женщины, которой он никогда не видел, а Йонард в цветистых выражениях принимался доказывать, что Регана ничуть не хуже. Кончилось тем, что германец стукнул кулаком по столу и побился об заклад, что докажет Зикху свою правоту, даже если для этого ему придется залезть в сераль владыки Эрака. После чего Регана с торжеством увела его наверх и покинула только после восхода солнца. Так что выспаться варвар не успел.

– Пусть господин простит меня, – с ходу начал хозяин, – но тот человек, купец, ждет его внизу.

– Иду, – коротко ответил германец, легко поднимаясь с постели.

Снизу доносились громкие голоса пьяных гуляк, и Йонард немедленно пожалел, что проспал так много интересного. Рука по привычке нащупала перевязь. Брудер был на месте. Нельзя сказать, что народу было много, но зато все как на подбор. Хмельные дельцы, денежная братия, хотя и не такая родовитая, как те, что сидят в роскошных дворцах, но любить жизнь тоже научились. Ромеев или северян, подобных ему, как успел заметить Йонард, не было совсем. Кругом сплошь неказистые, но хитрющие еверы. Но одно лицо среди них явно выделялось: длинное, сухое и смуглое, с большим носом, слегка свернутым на левую сторону, и узким подбородком. Разницу мог заметить и глаз менее зоркий, чем у варвара. Впрочем, Хрофт с ним, с незнакомцем. В темном углу северянин заметил знакомый тюрбан Зикха и неторопливо пошел к недавнему приятелю, оглябая столы. Краем глаза он заметил любопытные взгляды, которыми награждали его еверы. Зикх сидел, склонившись над чашей вина. Йонард сел напротив, поискал глазами Регану, но девушка куда-то исчезла. Впрочем, это обстоятельство печалило варвара недолго.

– Зачем звал? – спросил он.

Прежде чем ответить, Зикх сделал знак, чтобы принесли еще вина и мяса. Сам он со своим обедом расправился уже давно и сидел в этом шумном зале, ожидая лишь его, Йонарда. Но потом, видно, терпение у него лопнуло, и Зикх послал за ним хозяина. Широкий жест Зикха был кстати, желудок Йонарда ворчал, как вулкан, готовый вот-вот проснуться. Йонард сам налил себе вина и энергично принялся за угощение. Зикх ждал, но, как вскоре выяснилось, не окончания его трапезы. Мягким широким шагом к столу подошел тот самый неприятный человек. На нем был легкий халат с причудливым рисунком, который так искусно мог нанести только истинный мастер. Белый тюрбан из тонкого китайского шелка плотно облегал его голову, но слишком крупные черты лица и светло серые, внимательные глаза окончательно подтвердили подозрения варвара – этот человек родился значительно севернее песков Палестины. Зоркий взгляд его с ног до головы обожегал варвара, и только после этого незнакомец кивнул Зикху и сел.

– Это ты правильно придумал, – первым заговорил Йонард, – в этом наряде ты, конечно, сойдешь за полукровку, но тебя выдает взгляд. Еверы не имеют привычки смотреть в глаза. Богач смотрит поверх голов, бедняк – в землю.

– Спасибо за науку, Йонард из Германии, – усмехнулся сероглазый и в ответ на его удивленный взгляд кивнул на Зикха. – Вот он рассказал мне о тебе и, похоже, вопреки обычаю, не особо приврал.

– У господина Ритула есть для тебя работа, – вставил до этого молчавший Зикх.

Аланское имя окончательно убедило Йонарда, что сероглазый «носит халат с чужого плеча».

– Умеешь ли ты держать язык на привязи, северянин? – понизив голос, спросил Ритул.

– Смотря сколько стоит веревка, – серьезно ответил Йонард.

Ритул улыбнулся одними глазами.

– Не обижу, – заверил он.

Йонард проглотил последний кусок мяса, полил его вином прямо в желудке и, справившись с отрыжкой, выразил полную готовность слушать.

– Завтра на рассвете из Эрака выходит караван, – тихо проговорил Ритул, – Караван большой, сильная охрана, но нужен надежный проводник. Именно ты. Я не слишком надеялся найти тебя тут, но, слава богам, я искал там, где нужно.

– Куда идет караван? – деловито спросил Йонард, ковыряя в зубах.

– Не очень далеко. В Хорасан, – сдержанно ответил Ритул.

Йонард поморщился.

– Не люблю я Хорасан, – проговорил он, – да и он меня не слишком любит.

– Но ты не отказываешься? – не то утвердительно, не то вопросительно проговорил Ритул.

– Что везешь?

Вопрос был не из тех, которые было принято задавать в подобных случаях. Обычно о содержимом сумок проводники не спрашивали, а спросивший попадал под подозрение и рисковал остаться без нанимателей. Все купцы знали, что Эрак, Хорасан и даже Кум кишат людьми Хаима-Лисицы. Но Ритул ответил без колебания:

– Везу женщину. В подарок одному вельможе.

Йонард удивленно взглянул на Ритула и Зикха. В том, что один вельможа решил подарить другому свою дочь, сестру или красивую наложницу, не было ничего необычного. Почему же такая тайна? Внезапно его осенило.

– Неужели та самая? – шепотом предположил он.

Зикх и Ритул с усмешкой переглянулись.

– Я говорил тебе, что он догадлив, – купец выпрямился и улыбнулся, – похоже, в сераль правителя тебе лезть не придется. Заклад сам плывет в руки. Пока шел караван с подарками, наложница до того извела своего повелителя, что он решил от нее избавиться как можно скорее, и так, чтобы никто об этом не знал. Правитель не желает, чтоб на всех базарах говорили, что он не смог справиться с вздорной женщиной. Поэтому он щедро заплатит и за работу, и за молчание.

* * *

Караван медленно полз по пустыне. Горячее солнце нещадно жгло все живое... Усталые, тяжело нагруженные верблюды еле переставляли ноги. Их было около трех десятков. Зикх знал точнее, а погонщики говорили просто, что верблюдов «много». Тяжело навьюченных лошадей было десять – это знали все. До десяти в караване Зикха умели считать даже погонщики. Йонард восседал на спине игреневого скакуна и наблюдал, как в бескрайних желтых песках с однообразными горбами барханов медленно и величественно проплывали полосатые тюки. В самом хвосте, на спине большого рыжего верблюда покачивался белый шелковый паланкин, окруженный отрядом суровых аланов. Этот караван шел проторенной тропой, от колодца к колодцу, и от этого, на взгляд Йонарда, двигался излишне медленно. Кроме того, присутствие в караване женщины изрядно замедляло ход. Йонард невольно думал, что если бы ему пришлось идти пешком и нести эту госпожу на себе, он и то двигался бы намного быстрее. Все началось с того, что в пяти лигах от Эрака (город едва успел скрыться из виду), караван вдруг стал замедлять ход и охранник поскакал вдоль длинной череды верблюдов, выкрикивая приказ остановиться. Оказалось – даму укачало. И чуть ли не под самыми стенами они стояли до полудня, лошади стояли, верблюды лежали, погонщики сидели, вода тратилась, солнце палило, время шло, женщина приходила в себя. Ближе к полудню тронулись, но не прошли и лиги, как снова встали. Йонард злился, призывал Ахура-Мазду, Юпитера и всех прочих богов (больше всех, конечно, икалось Хрофту и Танату), но его молитвы и его проклятья действовали одинаково. Можно сказать – никак. Когда они вышли из Эрака, Йонард был уверен, что караван придет в Хорасан через два раза по десять дней. После первой остановки он решил, что они придут туда через две луны. Когда солнце село в пески, стих ветер, опустилась тьма и цепочка усталых верблюдов сбилась в кучу, располагаясь на ночлег, Йонард уже был уверен, что караван в Хорасан вообще не придет. Он лег спать злой и недовольный жизнью, а поднялся еще до солнца и, как это с ним частенько случалось, в прекрасном настроении. Приключения бывают всякие. Бывают, наверное, и такие. Путешествие только началось, женщина в караване еще не привыкла к мерной поступи верблюда, жаре и неудобству походной жизни. Йонард невольно думал – как она там. Хрупкий цветок сераля. В душном паланкине, закутанная в шелк так, что

видны одни глаза, зеленые, как изумруды. И, должно быть, такие же сияющие, как глаза Реганы. Деревянное сиденье, накрытое постоянно съезжающей подушкой, и узкое пространство, ограниченное плотными шелковыми стенами. И больше ничего. Не посмотреть вокруг, ни поговорить. А в конце пути – гарем какого-нибудь захудалого хорасанского вельможи (знал Йонард эти хорасанские гаремы), наверняка старого и глупого. И это после сераля самого правителя. Впрочем, судя по рассказу Зикха и поведению прежних хозяев, Йонард мог ставить все, что он получит от Ритула, против скорлупы от прошлогодних орехов, что надолго она в Хорасане не задержится. Когда караван снова встал, Йонард уже не сердился. Он подъехал к узорному паланкину, охрана тут же сомкнула ряды и обнажила оружие, и учтиво предложил Ритулу:

– Может быть, госпожа желает выйти. Размять ноги, подышать воздухом?

– Госпожа не желает выходить, – оборвал его Ритул, не двигаясь с места.

Йонард возвысил голос и повторил свое предложение, надеясь, что оно достигнет ушей дамы в паланкине. И верно, шелковые занавески слегка дрогнули. Йонард устремил туда взгляд, надеясь, что увидит хотя бы силуэт незнакомки, но Ритул, тоже возвысив голос, мрачно повторил:

– Госпожа не желает выходить. Ей уже лучше. Мы можем двигаться, проводник.

Йонарду ничего не оставалось, как вернуться на свое место во главе каравана. Жизнь понемногу налаживалась. Особу укачивало уже не так сильно.

На второй день пути они стояли всего два раза, и не слишком долго, но, прикидывая пройденный путь, Йонард с тревогой начинал думать, что, двигаясь с такой скоростью, до колодца они не дойдут. Им просто не хватит воды.

* * *

Над песками висела серая предрассветная марь. Привычный рисунок звездного неба сместился далеко на закат. Первые лучи рассвета уже тронули лохматые «горбы» барханов, ветер вздохнул, шевельнув бескрайние пески, шелохнулась до половины зеленая, до половины бурая трава у неприметного источника, неведомого ни одному проводнику караванов. Да если б и проведали о нем, вряд ли это внесло бы хоть какое-то оживление в безмятежную картину. Старый колодец, некогда аккуратно выложенный плитами, но теперь заброшенный и полузасыпанный сырым песком, находился в стороне от караванных троп. Неподалеку от жалкого оазиса торчали из земли развалины не то дворца, не то древней крепости, не то целого города, занесенного песками за века так, что остались лишь верхние венцы башен, торчащие из земли подобно обломанным зубам. Эти последние стойко сопротивлялись неумолимо наступающей пустыне и времени, и в этом бродячие ветры были им верными союзниками.

Одиноким всадник, неторопливо приближавшийся со стороны восхода на низкорослой пегатой лошаденке, видимо, прекрасно знал об источнике в развалинах. Лошадь уверенно шлепала по песку широкими неподкованными копытами, направляясь прямоком к колодцу. Всадник бросил поводья, спешился и, опустившись на колени, жадно припал к воде. Лошадь фыркнула, переступила копытами и, после недолгого раздумья, сунула в чашу свои мягкие губы, толкнув всадника лбом, чтобы посторонился. Солнце медленно поднималось над развалинами, и розовые, еще нежаркие лучи его скользили по старой, выветрившейся от времени кладке. В разгорающемся рассвете все четче обрисовывался силуэт сторожевой башни, похожей на исполлинскую голову в островерхом шлеме, а остатки древней стены могли бы напомнить огромные лапы какого-нибудь спящего зверя или голову свернувшейся змеи. И то, и другое было одинаково неприятно, чтобы не сказать – страшно. Казалось – древняя магия живет в этих стенах, забытых временем, живет, и не собирается их покидать, живет на горе и на погибель случайно заглянувших сюда путников.

Неожиданно конек фыркнул и прынул ушами. Не раздумывая, всадник пригнулся, метнулся в сторону и пружинисто вскочил на ноги, сжимая в руке обнаженную саблю.

– Последнее отребье не решается осквернить кровью источник, – проговорил он, – а тем более в Санджапуре.

С этими словами он обвел глазами компанию, которая незаметно окружила его и, вне всякого сомнения, собиралась его здесь и закопать. Их было шестеро. Свет еще не видел такого пестрого и такого оборванного сборища: опухшие лица, глубоко запавшие глаза с нехорошим, почти безумным огоньком в глубине, неуверенные движения, халаты с чужого плеча с полами, вымазанными конским дерьмом. Из них особо выделялся один – с огромным носом цвета недозрелого винограда.

– Мердек, – растерянно произнес он.

Неопределенного возраста худощавый человек с жидкой бородкой и темными хитрыми глазами со стуком кинул саблю в ножны. Разбойники чуть помедлили... и повторили его движение. Со стороны развалин слышалось конское ржание. Лошаденка Мердека задорно отозвалась, словно услышала знакомый голос.

– А где Керам? – спросил Мердек.

Шестеро оборванцев, едва не зарубивших его у колодца, пугали его не больше, чем не в меру расшалившиеся дети. Да и смотрел он на них примерно так же.

Синеносый злорадно скривился:

– А Танат его где-то носит. Надеюсь, что он его и прибрал.

– Что так неласково? – спросил Мердек без особого, впрочем, интереса.

– На одиночество его, видишь ли, потянуло, – оскалился тот, – любит, понимаешь ли, один гулять. Когда-нибудь догуляется.

– «Золотой караван» ему, подумать только, не добыча! – поддержал его второй, с запавшими глазами. – Ведет его бывший Кашмерский вор, надо же!

– Из-за того, что одних «своих» ему грабить честь не позволяет, другие «свои» должны с голоду пухнуть, – буркнул толстяк с черными мешками под глазами.

– Стало быть, это он привел вас в Санджапур, – криво улыбнулся Мердек.

– Как это «привел», – возмутился синеносый, – мы не слепцы, не невольники и не женщины. Мы сами пришли. Место хорошее, вода есть. Правда, добычи маловато.

– И куда вы отсюда направитесь? Назад к Хаиму?

Мердек задал вопрос безразлично, как будто из пустой вежливости, но темные глаза мигнули, выдав живой интерес.

– Никуда не направимся. Здесь будем, – ответил толстяк.

– В Санджапуре? – уже открыто удивился Мердек и даже всплеснул руками. – Да заплатили ли вы положенную дань?

Лица разбойников вытянулись в безмерном удивлении.

– Ты что, Мердек, вина опился? – осторожно поинтересовался синеносый. – Города давно нет, какая дань?

Мошенник, который в одиночку не боялся шестерых разбойников, загадочно улыбнулся:

– Давным-давно, – начал он, когда все семеро расселись в тени высокой каменной башни, и фляга его со сладким вином, сделав круг, вернулась пустая, – когда благословенный Эрак еще не вздымал среди песков свой неприступный вал, а богатый Хорасан был лишь нищим поселением вокруг одного колодца, жил на свете великий воин Фуручи. Однажды надоело ему скитаться, и он решил осесть на одном месте. Прямо среди пустыни Фуручи ударил копьём – и возник источник. И вскоре вокруг него зашумел базар, и выросли дома. Богат и славен был город Санджапур, и все купцы восхищались этим благоуханным цветком пустыни. Не было города богаче, и не было людей счастливее, чем его жители. Но однажды перед городскими воротами появился нищий, умирающий от жажды. Он просил именами богов пустить его в

город, или хотя бы дать ему напиться. Но, поскольку у нищего не было денег, жадный стражник не пустил его. И тогда нищий сказал:

«Почтенный, нет у меня монет, но есть мудрый совет. Прими его вместо платы и пропусти к источнику старика, умирающего от жажды».

«Хорошо, – ответил стражник, – говори. А я посмотрю, стоит ли твой совет хотя бы одной медной монеты».

«Не обольщайся блеском сокровищ, золото горит, пока светит солнце, – медленно, нарастав произнес старик, – с наступлением ночи сокровища обращаются в прах. Бойся одного – остаться нищим, когда закатится солнце твоей жизни».

Молодой стражник выслушал и рассмеялся:

«Это мудрость детей и нищих, – сказал он, – она ничего не стоит. Убирайся вон».

Страшно разгневался старик. И произнес слова, которые и по сей день помнят мудрые:

«Будь же по-твоему, жадный юноша. Я не войду в эти стены. А ты не выйдешь отсюда. И будешь сторожить ворота до тех пор, пока кто-нибудь не принесет тебе сокровище, равное моему совету, который ты отверг».

В тот же миг потемнели небеса, и страшная песчаная буря обрушилась на город, а когда все стихло, уже не было ни богатого города, ни базара, ни дворца правителей. Исчез город Санджапур, и имя его забылось. На закате вырос благословенный Эрак, на восходе – богатый Хорасан и караванные тропы пролегают теперь в стороне от города Фуручи. Но дух жадного юноши-стражника до сих пор бродит в развалинах, и горе тому, кто войдет в город и не заплатит богатой пошлины. Великие несчастья обрушатся на его голову. Нищета будет ходить за ним по пятам, в руках его не станет силы, в голове – разума, он будет пить воду вместо вина и носить халат с чужого плеча.

Нет, как хотите, а я ни за что не останусь на ночлег в городе, который некогда предпочел монету мудрому совету. Жадных и глупых не любит никто. Ни боги, ни дэвы. Вот только обожду, пока отдохнет мой конь, и покину это проклятое место.

С этими словами Мердек кинул под голову седло и растянулся прямо на песке, весьма довольный сказкой, которую только что сочинил.

– Эй, Мердек, – через некоторое время позвал синеносый, – если это правда, то отчего с нами до сих пор ничего не случилось?

– А разве вы счастливы? – изумился Мердек. – Разве нищета не ходит за вами по пятам? Разве не пьете вы воду вместо вина и не носите халат с чужого плеча?

Разбойники переглянулись.

– Эй, Мердек, – снова позвал синеносый.

Мошенник открыл один глаз, притворяясь, что уже задремал и только оклик разбойника разбудил его.

– А что же делать, Мердек?

– Что делать, что делать... Седлать коней и уходить из проклятого города, пока не поздно, – ответил Мердек.

– А куда уходить-то, – растерялись разбойники, – Керам оставил нас без добычи. Сам ушел. Хаим не примет нас назад. Когда мы уходили от него, то прихватили шестерых самых лучших коней. И в Эрак нам не войти. И в Хорасан не вернуться. У нас нет денег, чтобы заплатить стражнику за вход.

– Попробуйте расплатиться мудрым советом, – зевнул Мердек и повернулся на другой бок, спиной к озадаченным разбойникам.

Через некоторое время он услышал фыркание коней, шум бестолковых сборов, стук копыт по камням, и вскоре все стихло. Разбойники покинули мертвый город, и Мердек готов был заложить свою голову, что скоро они не вернуться. Хитрец напугал их изрядно. Должно быть, отправились грабить караваны. Не будет им удачи. Но не оттого, что переночевали в

мертвом городе, а оттого, что отроду глупы. Хаим-Лисица на них напрасно злился, право же, шесть коней совсем не дорогая плата, чтобы избавиться от таких дурней.

Однако глупцы не глупцы, а когда-нибудь они поймут, что Мердек их попросту одурачил и, пожалуй, вернутся, чтобы спросить, какая тому корысть в обмане. Так что лучше бы ему этим шестерым больше не попадаться. Мердек снова сел, а, убедившись, что разбойники и вправду уехали, встал и торопливо пошел вдоль стены. Через несколько шагов хорошее настроение его и довольство жизнью испарились. Тайник, который он был послан отыскать, завалило рухнувшей стеной. И так завалило, что одному не управиться за целую луну. Если с этим вообще возможно управиться.

* * *

Могучий рык встряхнул землю и небо. Жалобно заревели верблюды. Игрневый конь Йонарда жалобно заржал и попытался сбросить седока. Варвар с трудом удержался, намотал на руку поводья и попытался направить коня назад, туда, где случился переполох, но тот хрипел, косился, прижав уши к большой треугольной голове, и с места не двигался, только перебирал копытами и тонко, жалобно ржал. Йонард бросил упрямое животное, соскочил и поспешил на звук, расталкивая широкими плечами бестолково мечущихся купцов и погонщиков. Охрана красавицы сбилась в кучу, заслоняя паланкин. Воины не мигая смотрели в одну точку.

Йонард повернулся туда же. И, несмотря на все свое северное хладнокровие, едва не попятился. Огромный палевый зверь, почти не отличимый цветом от песков, возник на тропе, словно из ниоткуда. Припав на передние лапы, он переводил свой жуткий взгляд с людей на сбившихся в кучу верблюдов и гибкий длинный хвост его метался из стороны в сторону. Верный признак того, что лев зол. Или голоден. А скорее – и то и другое.

Воздух прорезал тонкий испуганный крик. Это мог быть один из мальчиков-погонщиков, но Йонард был отчего-то уверен, что крик раздался из паланкина. Мечи охранников давно покинули ножны, но пускать их в ход аланы не торопились. Лев снова рыкнул. Странно прозвучал этот рык. Грозный и яростный, он закончился нотой, весьма похожей на жалобное мяуканье. Йонард вытянул из-за спины копье и, стиснув зубы, послал его в цель коротким, сильным броском, почти не целясь. Лев испустил хриплый вой. В янтарных глазах зверя мелькнули тоска и смятение. Кровь зверя плеснула в лицо тугой струей и Йонард невольно отступил. Тяжелое, длинное тело несколько раз дернулось, разбрасывая песок широкими, когтистыми лапами, и затихло. Копье северянина вошло в аккурат под левую лопатку.

Охрана дамы подоспела вовремя. Как раз когда царь зверей перестал шевелиться. Для того чтобы оттащить его в сторону и помочь подняться залитому кровью Йонарду. Германец зыркнул на них с плохо скрытым презрением и перевел взгляд на распластанного льва.

– Интересно, откуда он здесь взялся? – задумчиво проговорил Ритул. – Зубы сточены по самые десны. Лет тридцать зверю, если не больше, – и с легким сожалением добавил: – было.

– Должно быть, подыхать сюда пришел, – предположил Зикх, которого необычное происшествие отвлекло от верблюдов с поклажей.

Ритул подошел к паланкину и, похоже, выслушав какое-то приказание, вернулся.

– Северянин, – он тронул Йонарда за рукав.

Тот зло развернулся. Насмешки по поводу «убийства безобидной старой киски» ему изрядно-таки надоели. Небось, когда лев возник на тропе и до смерти перепугал верблюдов, он никому не казался безобидным. Даже этим дюжим аланам. Но Ритул и не думал смеяться.

– Госпожа давно хотела послать весть своему будущему супругу и повелителю, – произнес он. – Теперь она благодарит богов, что не сделала этого раньше.

– Почему? – не понял Йонард, – и при чем тут я?

– Теперь она может просить мужа встретить караван с богатыми подарками для тебя, спасшего ее от этого страшного зверя. И госпожа очень хочет, чтобы вестника послал ты, из своих собственных рук.

С этими словами Ритул подал германцу белого голубя.

– Просто подбрось его вверх, посоветовал он, – голубь знает дорогу в Хорасан.

Голубь взмыл в небо и уверенно устремился на восход. Похоже, он действительно знал дорогу.

Маленькое происшествие было забыто, и караван тронулся в путь. Потом, Йонард знал это, глупый случай с издыхающим львом, неосторожно уснувшим на караванной тропе, обернется целой чередой страшных рассказов о десятках свирепых львов, растерзанных верблюдов и одном герое-победителе, получившем кошелек с золотом и поцелуй от зеленоглазой блондинки. И этим героем будет кто угодно, только не Йонард.

* * *

Ближе к вечеру, как и рассчитывал проводник, они подошли к очередному колодцу в развалинах деревни. Солнце садилось за их спинами, косые лучи скользили по остаткам глинобитных стен. Длинные тени верблюдов, лошадей и людей бежали впереди каравана, словно старались как можно скорее добраться до места, где будет вода и отдых. Пески казались розовыми и как будто светились.

Йонард подъехал первым и, разглядывая землю, нахмурился. У колодца обнаружались следы костра. Собственно, ничего удивительного в этом не было, караваны пересекали пустыню по одним и тем же путям, длинным или коротким, это уж как позволяли кошельки, опытность твоего проводника и выносливость верблюдов, но в основном «корабли пустыни» утаптывали одни и те же тропы. Случалось, они встречались посреди бескрайних песков, узнавали и передавали новости. К примеру, пару дней назад им навстречу попался «шелковый» караван аж из самого Китая, и шел он не в Эрак и даже не в Ашкелон, а еще дальше. В Дамаск или, возможно, в Константинополь. Но тот караван прошел здесь давно, и следы его сгладил ветер, да и много их было. Небось вычерпали колодец до самого дна. И уж, наверное, не один жгли костер, если ночевали. А где им еще ночевать? Те, кто оставил эти следы – крупные, но уже верблюжьих – следы неподкованных лошадиных копыт, должны были все время идти впереди их каравана, во что Йонард не верил. За семь дней пути он еще ни разу не наткнулся на следы их присутствия. Значит?.. Что это могло значить?

«Все что угодно, кроме хорошего», – решил варвар.

Аланы удвоили посты. Это было правильно. Но, после случая с «царем зверей», на аланскую охрану Йонард больше не полагался.

«Спать не буду», – подумал он, пристраивая под голову попону и укрываясь плащом. И тут же провалился в мертвый, каменный сон.

Снился ему великий город, раскинувшийся на семи холмах и отбрасывающий тень на весь подлунный мир. Казалось, он незыблем и вечен как сама земля, как каменные порталы дворцов, как безмятежно-голубое небо над ними. Но на улицах почти не видно было знатных женщин, да и сами патриции предпочитали не появляться без охраны, а в основном город кишел вооруженными до зубов мужчинами в варварской одежде, имевшими к непобедимым римским легионам более или менее близкое отношение. Город подтягивал войска из провинций, оголяя границы, потому что уже не в силах был удержать былую мощь, а лишь смутно надеялся выжить. Германцы, кельты, славяне, словом все те, кого издавна принято было именовать презрительной кличкой «варвар», шли в город с оружием и становились новой кровью в его обескровленных жилах. В те дни всем казалось, что Рим еще можно спасти.

* * *

Соблюдая предельную осторожность, одинокий всадник следовал за караваном. Словно тень, он крался за ними след в след, значительно отставая днем, так как зоркие глаза проводника то и дело озирали горизонт. Кроме того, в этом караване были и другие глаза, не менее зоркие, и быть замеченным теми глазами всадник не хотел ни в коем случае, даже ненамеренно. Иное дело теперь, ночью. Надежно скрытый от любых глаз, он нагонял караван. Не тот это был человек, чтобы упустить добычу.

Он спешил. Конь его чуял воду и рвался вперед, но всадник осадил его железной рукой и ласковым словом:

– Все тебе будет, только не сейчас. Утром. Терпи, как я терплю.

Конь, казалось, понял. Во всяком случае, он спокойно позволил хозяину положить его на бок и застыл. Всадник знал, что так конь будет лежать до тех пор, пока условный свист не поднимет его с места, и больше не беспокоясь о нем, медленно и осторожно пошел вперед. К развалинам, где расположился на ночлег караван. Темный халат позволил ему подобраться к спящим шагов на двадцать. Ближе он подойти не решился, да и незачем было. Человек остановился. Прислушался. И тихо, протяжно взвыл, подражая голосу далекого волка. Ничто не отозвалось в ночи на этот тоскливый призыв. Но человек знал, что его услышали. Прошло не так уж много времени. Тот, кто следил за караваном, еще не успел потерять терпение, когда прямо перед глазами его из темноты возникла плечистая фигура. Он отпрянул, ладонь метнулась к поясу, но замерла на полдороге, услышав тихое:

– Все в порядке. Это я, Ритул.

– Вовремя ты подал голос, – так же тихо отозвался одинокий путник, – еще мгновение, и я бы утыкал тебя острыми железками, как ежа.

– Пока все в порядке. Устроили ночлег. Завтра, с восходом, двинемся дальше.

– Отлично, дружище, – ответил тот, – а как варвар?

– Хвала богам, пока ничего не заметил, – ответил Ритул. – Он смотрит вперед, а не назад. Но тебе стоит поостеречься. В караване человек Ардашира, а у них, как известно, глаза вокруг головы.

– Я знаю, – путник кивнул, но в чернильной темноте движение его головы осталось незамеченным, – в караване даже ДВА человека Ардашира.

– Два?! – по-настоящему удивился Ритул. – Я не знал этого. В самом деле.

– Верю. Кто может сказать, что знает ВСЕХ людей Ардашира? И кто может сказать, скольких из них привлекает та же добыча. У нашего общего знакомого развелось немало друзей-доброжелателей. Сейчас в Иране не стоит быть выходцем из Рима. Слишком коротка дорога от Рима до Константинополя и слишком долгая память у наших любезных соотечественников. Проклятье! Варвар мне нужен. Он силен и смел, и только он способен помочь, если захочет.

– А те, с кем ты собирался поговорить в Эраке? Что сказали они?

– То же, что и ты. Мертвым алмазные россыпи ни к чему.

– Варвар скажет тебе то же самое.

– Надеюсь, что нет, – ответил Керам, – за ним уже есть с десятков голов, и не все их хозяева сидели на сокровищах. Главное, чтобы он мне поверил.

Ритул покачал головой:

– Я бы на его месте не стал.

– И это называется старый друг, – фыркнул Керам.

– Кто знает нас лучше, чем старые друзья?

Двое приглушенно рассмеялись. Уже прощаясь, Ритул предостерег одинокого путника.

– Будь осторожен. Здесь шастает кто-то еще. Варвар заметил следы.

– Ты думаешь, это они?

– Те, кого ты бросил в одном переходе от Эрака? Кто знает. Может, они, может, другие.

В этих краях не стоит бродить одному.

Керам не успел ответить. Тонкий, пронзительный волчий вой возник в барханах, взметнулся ввысь и с силой вонзился в небо.

Приятеля переглянулись.

– Это не я, – сказал Керам.

Звук повторился на этот раз ближе и через мгновение ему ответил еще один.

Зверь выскочил из темноты внезапно и стремительно. Огромный, от неожиданности и силы его броска он показался еще больше. И не серый – седой. В лунном свете он был словно облит жидким серебром. Сверкнули глаза и белые, как алебастр, клыки. Человек взмахнул мечом, но зверь нырнул под руку. Алан растерялся и закрутил головой. И тогда на спину обрушился мощный удар, и человек упал, неловко взмахнув руками. Он не успел взять зверя на меч, не успел даже позвать на помощь. Успел только хлюпнуть порванным горлом. Тонко заржала и забила копытами лошадь, шарахнулась в сторону и, словно споткнувшись, неловко повалилась. Шагах в двадцати точно такое же ржание оборвалось так же внезапно. Но уже ревели верблюды, бестолково метались погонщики, со свистом ползли из ножен мечи. Вспыхнул факел. Потом другой. Мелькнула серебряная тень.

Возле самых ног опешившего воина скользнула гибкая серая спина. Он взмахнул оружием и разрубил темноту. На земле подышали две зарезанные лошади, один воин-алан, два погонщика и четыре волка. Стая ушла в пески так же стремительно, как и появилась.

Ушли они, конечно, недалеко. Когда караван снимется с места и пойдет дальше, наскоро похоронив погибших, волки вернутся за своей добычей. Но никому и в голову не пришло преследовать стаю в песках.

«Охраняй нас от волка и от волчицы, сбереги нас от вора, и мы пройдем спокойно, о ночь», вспомнил Йонард, нехотя пробудившийся от своего волшебного сна. У ног его лежал серый зверь, разрубленный пополам. Ночь не уберегла караван, не спасли и удвоенные посты. Впрочем, все могло быть и хуже, значительно хуже, если б напала другая стая. Та, что оставила на песке следы неподкованных копыт...

* * *

Солнце стояло почти над головой. В такую пору самым мудрым, что мог сделать правитель, было спрятаться в каменной прохладе дворца и с помощью охлажденного напитка постараться пережить эту совершенно нестерпимую жару. Господину Ардаширу, начальнику хорасанской конной стражи казалось, что даже лошади смотрят на него с осуждением. Впрочем, ни один из всадников его сотни, лучшей конной сотни во всем Хорасане, не смел роптать. Ардашир и сам молчал, хотя их сомлевший от жары отряд продвигался к стенам гораздо медленнее, чем солнце к высшей точке на небосводе. Причиной этого была «охотничья добыча» правителя – крупный, испачканный кровью орикс. Привязанный к длинному крепкому шесту, он мотался в такт шагам мускулистых, обнаженных до пояса невольников. Спины рабов блестели от пота. Непокрытые головы были гладко выбриты. Они несли добычу правителя так легко и неторопливо, что, казалось, для них это вообще не тяжесть, а раскаленная пустыня – благоуханные сады Иштар. Их мерная поступь сводила Ардашира с ума, но он не смел их поторопить.

Конечно, рассуждая здраво, не так уж все это было ужасно. Короткая утренняя вылазка на охоту. Ну, несколько растянувшаяся. Случалось и не такое. Преследуя неутомимых грабителей караванов, всадники хорасанской стражи рыскали по пустыне день и ночь, не помышляя об отдыхе. «Они пили пыль и спали в седлах», как гласила известная поэма длиной в двадцать

четыре локтя. Но то было дело мужчин, дело чести. И, бесспорно, это было куда занятнее, чем караулить детей.

Ардаширу не пришлось искать глазами тонкого, гибкого всадника в белом шелковом халате, гордо восседавшего на горячем вороном жеребце, едва лишь объезженном, едва лишь узнавшем хозяйскую руку. Ардашир и так не сводил с него глаз, потому что этот юноша, почти мальчик, был его повелителем. Шахом Хорасана.

Неожиданно юный правитель повернулся в седле и послал Ардаширу быстрый, нетерпеливый взгляд. Тот поспешил догнать повелителя.

Юноша не торопился начинать разговор. Он хмурился, кусал губы, теребил узорную рукоять хлыста, и господин Ардашир нехотел, а может быть как раз кстати подумал, что этот хлыст без всякой видимой причины вполне может прогуляться по его спине.

– Повелитель, боги благосклонны к тебе, – торопливо произнес Ардашир, – ты удачно начал свой день. Воистину, в охоте, как и в верховой езде, ты не знаешь себе равных.

Юноша-шах не повернул головы:

– Ты прав, – холодно ответил он, – шаху нет и не может быть равных. Того, кто осмелится встать с ним вровень, укорачивают на голову. – Он немного помолчал и добавил: – та же участь ждет и нерадивых слуг.

Несмотря на жару, Ардашир почувствовал, что холодеет. Шаху ничего не стоило отправить его к палачу или просто отмахнуть голову своей легкой саблей. Исключительно ради того, чтобы показать свою власть и утвердиться в своем праве карать и миловать подданных.

– Если я чем-нибудь вызвал твое недовольство, повелитель, казни меня, я буду счастлив умереть от твоей руки, – быстро произнес Ардашир, – но, может быть, ты позволишь мне узнать, в чем виновен твой нерадивый слуга.

– Вот уже три луны я жду от тебя известия, что варвар пойман и заточен в темницу, – ответил шах, по-прежнему не глядя на Ардашира, – и сейчас мне пришло в голову, что, возможно, я жду слишком долго.

– Слава Ахура-Мазда твое ожидание, повелитель, близится к концу, – с облегчением ответил Ардашир, – сегодня утром я получил известие от своего человека. Видимо, голубь прилетел еще вчера, но Смотритель Голубятни его не заметил. Я приказал дать ему десять плетей.

– Сколько же плетей я должен дать тебе за то, что ты получил известие утром, а я узнал об этом лишь к полудню? – насмешливо спросил шах и наконец удостоил Ардашира пристального, недоброго взгляда. – Что же сообщил тебе твой человек? Где варвар?

– Как раз сейчас, повелитель, он ведет караван из Эрака в Хорасан. Мне известен каждый его шаг, и я достойно встречу Йонарда-германца.

– Если он не сбежит по дороге, – тихо проговорил юноша.

Тонкие ноздри шаха несколько раз расширились и опали. Взгляд был упрям и холоден, но в голосе неожиданно прозвучала печаль. Почувствовав перемену в настроении своего юного повелителя, Ардашир решился спросить:

– Как смог этот варвар, которого ты никогда не видел, заслужить твою ненависть? Ведь он всего лишь проводит караваны.

– Он пришел с северо-запада, оттуда, откуда всегда приходили на нашу землю завоеватели, – ответил юноша. – Разве одной этой причины недостаточно, чтобы возненавидеть?

Ардашир обескуражено покачал головой. Он не имел представления о том, что мальчику известна история Хорасана, которую во всем дворце помнили всего двое – он и старый маг-звездочет, на которого уже давно никто не обращал внимания, так как с возрастом он впал в детство и путал воду с вином.

– Лучшую причину трудно выдумать, повелитель, – признал Ардашир.

– Тем более что я ее не выдумал.

– Ничто не может укрыться от ока твоей мудрости, повелитель, – отозвался Ардашир, – и тебе, должно быть, известно, что римляне не только чуть не завоевали Хорасан, но и погубили твоего отца. И тем самым освободили трон для тебя... К тому же Рима больше нет.

Юноша пожал плечами:

– Возможно, отец мне нужен был больше, чем трон. Возможно, наоборот. Но, в любом случае, это должен был быть мой выбор, а не чужезмцев... К тому же есть Византия.

Ардашир смиренно склонил голову в знак согласия и больше до самого Хорасана не проронил ни слова. Молчал и повелитель. С юношей-шахом было очень трудно, и каждый подобный разговор грозил обернуться бедой. И все же хитрый царедворец не сомневался, что со временем сделает юношу своим послушным орудием.

* * *

– ...и вот этот человек вышел из города и повел караван к своему хозяину. И было в том караване ровным счетом десять верблюдов, считая и того, на котором ехал он сам. Отойдя от города на три лиги, человек обернулся в седле и пересчитал свой караван. И что бы вы думали? – Зикх прищурился, покачиваясь на рыжей спине зверя и обнимая ногами горб.

Йонард, Ритул и двое погонщиков смотрели купцу в рот, ожидая, чем кончится рассказ.

– Верблюдов оказалось всего девять, – проговорил Зикх, улыбаясь. – Тогда человек слез со своего верблюда и снова пересчитал их. Теперь верблюдов было снова десять. Он опять взобрался на спину своему зверю, пересчитал караван. Девять! Тогда этот честный человек сплюнул на землю, слез с верблюда и решил: «лучше уж я пойду пешком, но чтобы счет все время сходился».

Йонард рассмеялся первым, запрокинув голову и скаля в улыбке великолепные зубы. Его поддержал Ритул, а через некоторое время и оба погонщика.

Притчи Зикх рассказывал отлично, ничуть не хуже Патмарка. Впрочем, здесь, в Иране, трудно было найти человека, который бы не умел рассказывать притчи и не знал их великое множество, на все случаи жизни.

Караван длинной цепью растянулся среди песков. Усталость от долгого пути, изнуряющий зной, пыль изрядно притупляли бдительность. Тем более что уже несколько переходов прошли вполне благополучно. Если не считать того, что под седло лошади проводника попала пыль, и бедное животное в кровь стерло спину. Пришлось Йонарду оставить коня и пересест на верблюда. Впрочем, притчи Зикха, которыми он развлекал их с Ритулом всю дорогу, почти примиряли германца с верблюдом.

– Лошади, – неожиданно и как-то вроде растерянно произнес Ритул.

Йонард и Зикх держались во главе каравана. Ритул пристроился рядом. Может, чтобы послушать притчи, может быть, еще для чего. Йонарду молчаливый алан нравился не слишком, а вот купец его привечал. Впрочем, глаз воин имел ястребиный. Среди барханов действительно темнели лошадиные спины. Рыже-бурые, лохматые, те самые, которых «псы пустыни» отродясь не подковывали и которые в выносливости не уступали верблюдам, а в скорости превосходили их почти вдвое. Лошади были полностью оседланы и взнузданы, но без поклажи. Ровным счетом – шесть. Целый табунок бесцельно бродил посреди песков. Всадников нигде не было видно. Однако, подъехав поближе, Йонард понял, что ошибся. Всадники тоже были здесь. Только не все. Четверо. И эту четверку германец определенно уже где-то видел. Они лежали на песке навзничь. Йонард видел мертвые тела и в более жутких позах, но сейчас не мог вспомнить, где и какие. Рядом валялись легкие иранские сабли. Рваные халаты, пропитанные кровью, явно с чужого плеча. Не ожидая, пока подтянется караван и охрана, они втроем – Йонард, Зикх и Ритул – не торопясь, поглядывая по сторонам, подъехали к месту побоища. Зикх слез с верблюда, хлопнул ладонью по мохнатой морде, посылая животное в сторону, и

шагнул вперед. Наверное, только боги знают, отчего у Йонарда шевельнулось в душе тревожное предчувствие. Легкий шорох, быстро мелькнувшая мысль... Или не было никаких мыслей. Никаких предчувствий. Просто рука привычно вытянула меч из ножен, обхватив рукоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.